

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет
историко-филологический

Кафедра
«Русский язык и методика преподавания
русского языка»

Направление подготовки
(специальность)

44.03.01 «Педагогическое образование»

Профиль

«Русский язык»

Форма обучения – заочная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему

«Речевое манипулирование как характерная черта языковой личности

Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”»

Студент

(подпись, дата)

Арехина Екатерина Борисовна
(ФИО полностью)

Научный руководитель

(подпись, дата)

Болотская М. П.
(фамилия, инициалы)

Нормоконтролёр

(подпись, дата)

Луннова М. Г.
(фамилия, инициалы)

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № _____)

Заведующий кафедрой

(подпись)

Канакина Г. И.
(фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № _____)

Секретарь ГЭК

(подпись)

Алешина И. А.
(фамилия, инициалы)

Пенза 2019 г

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ	6
1.1. Понятие речевого манипулирования. Приемы речевого манипулирования, их классификация.....	6
1.2. Речевое воздействие и манипулирование.....	12
1.3. Языковая личность как объект лингвистических исследований.....	17
Выводы по первой главе.....	22
ГЛАВА II. АНАЛИЗ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»	24
2.1. Образ Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».....	24
2.2. Речевое манипулирование Петра Верховенского.....	26
2.3. Система упражнений для уроков развития речи.....	42
Выводы по второй главе.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	54
ПРИЛОЖЕНИЕ. Контексты, содержащие вербальные и невербальные средства манипуляции	56

ВВЕДЕНИЕ

Проблема манипулирования находится в последнее время в центре пристального внимания исследователей, этот феномен изучается с различных точек зрения: психологической (Е. Л. Доценко (1996), Г. Франк (1964), Н. Н. Обозов (1990), политической (С. Г. Кара-Мурза (2011), Е. И. Шейгал (2004), лингвистической (О. С. Иссерс (2006), Г. И. Колесникова (2011), Р. М. Блакар (1987), И. А. Стернин (2001) и др.), философской, политологической, социологической. Вот лишь две дефиниции данного явления: «Манипуляция – это вид воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений и установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент». [Доценко 1996]; «Манипуляция – это разновидность скрытого речевого воздействия, направленного на достижение собственных целей субъекта воздействия, которые не совпадают с намерениями или противоречат желаниям и интересам объекта воздействия, при этом осуществляется неосознаваемый со стороны объекта контроль над его сознанием с помощью искажённой, необъективной подачи информации, зафиксированной в тексте» [Штайн 2004].

Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Не случайно само словосочетание «языковая личность» терминологически зафиксировано В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Опыт описания героев художественного произведения в качестве языковой личности был впервые осуществлен Ю. Н. Карауловым в книге

«Русский язык и языковая личность» (1987 г.). Ориентация на речевое поведение персонажа, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности во всей совокупности представленных в тексте характеристик.

Актуальность бакалаврской работы связана с использованием лингвистического и литературоведческого подходов к анализу художественного текста, что обусловлено антропоцентрической тенденцией в изучении языка и междисциплинарными связями современной лингвистической науки. Это позволит увидеть связь психологических особенностей личности с особенностями ее языка. Совмещение изучения языка писателя позволит выявить механизмы выбора определенных языковых единиц в контексте художественного произведения, подойти к адекватной интерпретации смысла художественного произведения и увидеть за ним психологические особенности языковой личности автора.

Объектом исследования является речевое манипулирование. **Предмет исследования** – специфика речевого манипулирования Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Материалом исследования является текст романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Цель работы – охарактеризовать Петра Верховенского как языковую личность, характерной чертой которой является речевое манипулирование.

Задачи исследования:

- рассмотреть, как представлено понятие «языковая личность» в разных областях гуманитарного познания;
- выявить лингвистические и психологические признаки явления речевого манипулирования;
- раскрыть своеобразие образа Петра Верховенского;
- выявить характерные черты речевого манипулирования у языковой личности Петра Верховенского.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в практике преподавания русского языка в средней школе. На основе исследования можно создать наиболее полный портрет литературного персонажа, выявить его характерные особенности. Работа также может быть использована на занятиях по лингвистическому анализу текста в старших классах.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Понятие речевого манипулирования. Приемы речевого манипулирования, их классификация

Слово «манипуляция» в русский язык пришло из французского «*manipulation*» (манипулирование, сложный прием, операция), которое изначально произошло от латинских слов «*manus*» – рука и «*plere*» – наполнять.

Семантика управления людьми в «манипуляции» просматривается еще в латинских корнях. Слово «*manipulus*» (в переводе «горсть», или «манипула») связано с основным тактическим подразделением римских легионов. Солдаты манипулы – «*manipulares*» – «горсть» солдат, которой из-за небольшого размера было просто управлять. Базовым значением манипуляции являлось искусное, требующее специальных навыков управление неодушевленными объектами. По отношению к человеку термин «манипуляция» возвращается в словари через психологические исследования XX века, в которых он означает психологическое воздействие с целью управления личностью. При этом в семантическое поле термина вошли такие понятия как искусность, воздействие, объект, возможность управления чем-либо при работе руками, ставшие метафорами при переносе их в сферу воздействия на сознание. Во многих словарях это значение указывается как переносное. Однако в настоящее время именно оно становится основным содержанием понятия манипуляции и в повседневной речи, и в научной среде, выступая родовым для такого круга понятий, как, например, «психологические и политические манипуляции», «языковые манипуляции», «манипулятивное воздействие».

Среди всех способов манипуляции исторически самым «популярным» является языковая манипуляция. Она прослеживается в области фольклора, мифологии, священных текстов, а так же в реальной исторической практике. Еще софисты, используя манипулятивные терминологические,

грамматические, логические и риторические приемы, полагали, что для убеждения подходят любые средства. Как говорил Аристотель: «Софистика есть мудрость кажущаяся, а не подлинная». В софистике главное отстоять свою правоту, активно возражать против иной точки зрения, применяя при этом различного рода словесные и логические уловки, то есть манипулирование сознанием слушателей.

В настоящее время активно происходит формирование массового сознания, развитие социальных, экономических и политических отношений, рост влияния средств массовой информации и распространение новых медиатехнологий (ротаторный пресс, радио, телевидение, интернет), что приводит к расширению аудитории и способов воздействия на нее, вследствие чего влияние манипуляции в обществе возрастает. Особенно актуальной становится массовая манипуляция.

Манипулирование людским сознанием сегодня достигло невероятных высот; практически мы имеем дело с соревнующимися и совершенствующимися технологиями манипулирования, направленными как на массы, так и на отдельного человека.

Речевая деятельность и речевое воздействие обеспечиваются языковыми ресурсами, то есть человек использует язык – важнейшее средство общения – для сообщения о чем-либо, побуждения адресата к каким-то действиям, выражению каких-то чувств, оценки чего или кого, для изменения окружающей действительности или мышления адресата.

В результате общения возникает определенный результат. В зависимости от поставленных целей он может быть как положительным, так и отрицательным, то есть у коммуникаторов остается чувство удовлетворения. Достижение результата может быть «честным» – путем сообщения правдивой информации или умелым убеждением, или «нечестным» – путем как прямого обмана, так и манипулирования.

В процессе общения человек, используя определенные ресурсы языка, может управлять поступками людей. По мнению Г. А. Копниной, «Языковое/

речевое манипулирование – это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата, слушателя, читателя» [Копнина 2012: 24]

Для речевого манипулирования характерна замена убеждения внушением, которое достигается путем особой передачи информации. В основе речевого манипулирования лежат такие психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений.

Речевое манипулирование осуществляется как в межличностном общении, так и в массовой коммуникации. Реклама, предвыборная кампания, пропаганда – сферы, в которых языковое манипулирование направлено на формирование у людей определенных вкусов, убеждений, стереотипов, выгодных манипулятору.

Понятие «манипулирование» нельзя трактовать однозначно, так как, наряду с отрицательным, оно имеет и положительный смысл – конструктивный, направленный на достижение цели в интересах народа и государства.

Механизмы манипулирования неотделимы от языка. Одними и теми же средствами истина выясняется и теми же средствами может быть искажена. Ни один из языковых механизмов не предназначен специально для манипулирования, но почти любой можно использовать для этой цели.

Грайс выделяет следующие четыре важнейших принципа успешной коммуникации:

- 1) постулат информативности (сообщай что-то новое);
- 2) постулат ясности (говори однозначно, ясно, избегай двусмысленности);
- 3) постулат связности (не отклоняйся от темы, не теряй нить);

4) говори правду (говори искренне) [Грайс 2015: 57].

В данном случае результат коммуникации предопределен, предсказан и, следовательно, постулаты речевого поведения должны быть строго соблюдены или осознанно деформированы, нарушены, вследствие чего возникают: 1) недостаточно информативные высказывания; 2) излишне детализированные высказывания; 3) пустые, неинформативные высказывания. При нарушении постулата ясности в тексте возникает неоднозначность и двусмысленность. Деформация постулата связности приводит к обрыву логической связи компонентов высказывания, к уходу от предмета обсуждения. Когда же говорящий сообщает заведомо искаженную информацию, на лицо несоответствие принципу искренности или истинности. Чаше используются более тонкие приемы: смещение акцентов, излишняя детализация, расплывчатые формулировки.

Каждое манипулятивное воздействие заранее планируется манипулятором. К подготовительному этапу относят действия по подстройке к особенностям ситуации и/или адресата воздействия, а также действия, связанные с организацией ситуации и подготовкой адресата. Организация или подбор ситуации состоит в том, чтобы проконтролировать, как пишет Е. Л. Доценко, «внешние переменные ситуации взаимодействия: физические условия, культурный фон и социальный контекст» [Доценко 2012:29] Физические условия – это место действия (в лесу, на улице, в кабинете и т.д.), сенсорная составляющая (особенности освещения, шумы, запахи и т.д.), интерьер (расстановка мебели, стиль оформления, свободу и характер передвижения). Культурный фон составляет степень владения языком, национальные и местные традиции, культурные нормы поведения и др. В социальный компонент входят переменные общения, задаваемые со стороны тех или иных групп людей. Социальные роли, правила и нормы поведения (в том числе речевого) накладывают ограничения на действия, чувства, желание адресата, снижают степень свободы его активности, а значит, повышают точность предсказания его поведения.

К подготовительному этапу относят также выбор и/или создание так называемых «мишеней психологического воздействия». Манипулятор может воздействовать как на «готовые» мишени (желания, слабости, потребности) человека, так и на те, которые он сам предварительно у него вызывает и закрепляет в сознании. Е. Л. Доценко, основываясь на классификации «психических образований» Т. С. Кабаченко, к «мишеням» воздействия относит:

- 1) побудители активности: потребности, интересы, склонности, идеалы;
- 2) регуляторы активности: смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрения, убеждения, верования;
- 3) когнитивные (информационные) структуры: знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность;
- 4) операциональный состав деятельности: способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки, квалификация;
- 5) психические состояния: фоновые, функциональные, эмоциональные и т.п. мишени воздействия выступают в роли подсказки о том, какие средства воздействия могут быть использованы в конкретном случае.

Таким образом, манипулятивное воздействие осуществляется по схеме: сбор информации об адресате – обнаружение/ формирование объекта воздействия – аттракция – понуждение адресата к действию – выигрыш инициаторов воздействия.

Способы языкового воздействия, используемые при речевом манипулировании, весьма разнообразны: от преднамеренного искажения в тексте реальной действительности посредством закрепления за ключевыми словами не свойственных им ранее коннотаций, до тонкой, виртуозной игры слов, создания желаемого впечатления при помощи средств языковой выразительности – тропов, стилистических (риторических) фигур и т.д.

Чаще всего манипулятивные тактики и приемы даются общим списком под названием «уловки-манипуляции». Зачастую на практике «часто трудно

разграничить обычные приемы языковой выразительности и языковую манипуляцию.

Под манипулятивной речевой тактикой понимают «такое речевое воздействие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору» [Копнина 2012: 48]. Под манипулятивным речевым приемом понимают «способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную манипулятивную тактику» [Копнина 2012: 48].

Общепринятой классификации манипулятивных стратегий и тактик не существует. О. С. Иссерс пишет, что « применительно к речевым стратегиям кроме принципа кооперации можно говорить о принципе некооперации, базирующимся на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего. Установка на кооперацию / некооперацию является одним из важнейших параметров в описании речевых стратегий и тактик» [Копнина 2012: 48].

Манипулятивные стратегии и тактики носят некооперативный характер, так как используются с корыстными целями; подразделяются в зависимости от того, какой принцип речевого общения нарушают.

В работах по лингвистике, логике, психологии некоторые речевые явления (приемы), использующиеся с манипулятивными намерениями и характеризующиеся как стратегии и тактики, имеют терминологические наименования, например:

- 1) «распространение злостно компрометирующих, порочащих кого-либо слухов», или диффамация;
- 2) многократное повторение одной и той же мысли разными словами, или комморация;
- 3) «превращение социально неприемлемого поведения в социально приемлемое», или сублимация.

Выделяются следующие «способы манипулирования информацией»: умолчание (утаивание информации от ее получателя), селекция (пропуск и передача только выгодной информации), передергивание (выпячивание и подчеркивание только выгодных обманщику сторон явления), искажение (преуменьшение, преувеличение, нарушение пропорций), переворачивание (замена «черного» на «белое») и конструирование (придумывание несуществующих в реальности данных). Возможна комбинация этих способов манипуляции с информационным потоком.

1.2. Речевое воздействие и манипулирование

«Речевое воздействие – это воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 56 2001: 51].

«Манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [Стернин 56 2001: 67].

Существуют два основных аспекта речевого воздействия – вербальный и невербальный. «Вербальное речевое воздействие – это коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, при помощи языковых единиц. Это воздействие словами, текстом. Релевантны для вербального речевого общения выбор языковых средств для выражения мысли, само содержание речи, ее смысл, приводимая аргументация, распоряжение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия и др. В результате вербального воздействия возникает также подтекст – скрытый смысл сообщения, косвенно передаваемый текстом» [Стернин 2001: 77].

«Невербальное речевое воздействие – это воздействие, осуществляемое сопровождающими речь несловесными сигналами» [Стернин 2001: 77]. Относительно речи невербальные сигналы выполняют следующие функции:

- передают информацию собеседнику (намеренную или ненамеренную);
- воздействуют на собеседника (сознательно и бессознательно);
- воздействуют на говорящего (самовоздействие), сознательно и бессознательно.

В процессе общения вербальные и невербальные факторы речевого воздействия не только взаимосвязаны самым тесным образом, но и различаются по своей роли на разных этапах акта коммуникации. Невербальные факторы коммуникации играют наиболее важное значение на этапе знакомства людей друг с другом, на этапе первого впечатления и в процессе осуществления категоризации. Количество невербальных сигналов очень велико.

«Конгруэнтность – это соответствие смыслов вербальных и сопровождающих их невербальных сигналов, неконгруэнтность – противоречие между ними [Стернин 2001: 77]. Если смысл невербального сигнала противоречит смыслу вербального сигнала, то людям свойственно верить вербальной информации. «Невербальные сигналы – материальные, чувственно воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закрепленный данной культурой смысл» [Стернин 2001: 79].

Среди невербальных сигналов различают симптомы, символы и знаки (собственно невербальные сигналы). Симптомы – невербальные явления (движения, действия), проявляющиеся в деятельности человека бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние участника общения; культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптом страха, радости, удовольствия, задумчивости и т.д.). Символы представляют собой проявление так называемого национального символизма – символического значения, приписываемого социумом определенным предметом, действием; непосредственно не участвуют в коммуникации, но несут коммуникативно

релевантную информацию. Включаясь тем самым опосредованно в процесс обмена информацией между людьми [Стернин 2001: 79]. Примеры невербальных символов: иномарка, норковая шуба, собственная вилла – зажиточность; короткая стрижка – символ «крутизны»; длинные волосы – творческая профессия и т. д. Социальные невербальные символы имеют ярко выраженную национальную специфику.

«Знаки или собственно невербальные сигналы – преимущественно сознательно продуцируемые действия, имеющие в данной культуре определенный знаковый смысл, относительно стандартное значение» [Стернин 2001: 80]. Невербальные знаки включают:

- знаки языка телодвижений (взгляд, мимика, поза, стойка, движение, походка, осанка, физический контакт, манипуляции с предметами);
- знаки организации пространства общения (проксеимические знаки) – дистанция, расположение;
- знаки молчания [Кара-Мурза 2011: 98].

Среди невербальных знаков самую большую группу составляют жесты – значимые движения тела, подразделяющиеся на следующие разряды. Номинативные – заменяют или дополняют вербальные средства, дополняют или дублируют их; используются автономно или вместе с вербальными средствами. К ним относится большой разряд изобразительных жестов, особенность которых заключается в передаче чувственного образа предмета, действия. Часто изобразительный образ лежит в основе соответствующего фразеологизма или описательного оборота. Эмоционально-оценочные – выражают оценку чего-либо в ходе общения (собеседника, его действий, окружающих предметов, событий, третьих лиц). Указательные жесты – выделяют предмет, ориентируют собеседника в пространстве. Риторические жесты – жесты, имеющие усилительный характер; усиливают выражаемое содержание, акцентируют или усиливают отдельные части высказывания, текста в целом; могут подчеркивать ритмический рисунок высказывания, подчеркивать коммуникативно значимое членение речи. Игровые –

шуточные. Используемые для игры, развлечения. Вспомогательные жесты – используются преимущественно в качестве физической помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации. Магические жесты – используются в суеверных, магических целях.

Также релевантным оказывается описание невербальных сигналов уважения и неуважения, что очень существенно для межкультурной коммуникации.

Рассмотрим классификацию приемов речевого манипулирования по разным уровням языка.

Фонетический уровень (аллитерация, фоносемантика, ритм, рифма, просодика: интонация, паузы, темп).

Графический уровень (выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения).

Лексический уровень (синонимы, эвфенизмы, дисфенизмы, метафора).

На синтаксическом уровне – использование пассивного залога вместо активного и номинализация, т.е. перевод словосочетания с глаголом в отдельное существительное, неопределенно-личные предложения, безличные предложения.

Формы обращения к адресату с помощью личных местоимений, прямого названия потенциального адресата или обращений – вопросов: «Ты записался добровольцем?»; императивы (побудительные конструкции), типа «Окупись в мир покупок, путешествий и развлечений. С кредитной картой банка N теперь это сделать проще и удобней!»

Другим действенным приемом манипулирования является опора на стереотипы, социальные нормы, авторитет. Стереотип – это принятое в обществе упрощенное представление о чем-либо, не основанное на личном опыте человека. Стереотипы усиливают чувство принадлежности к определенной социальной группе, разделяющей этот опыт или оценку. В создании ключевых стереотипов важную роль играют ключевые слова, которые наиболее распространены в дискуссиях в тот или иной период.

Внедрение ключевых слов даже в семантически пустые фразы наделяет эти фразы определенной воздействующей силой и оценочностью.

Речевые манипуляции можно отнести к скрытой манипуляции.

1. Замена убеждения внушением.

2. «Перетасовка», то есть упоминание только положительных или отрицательных (в зависимости от ситуации) фактов и доводов и умалчивание противоположных.

3. «Неожиданность», то есть использование в речи какой-либо неожиданной информации.

4. «Да, да, да». Это такая тактика, когда собеседнику задается несколько вопросов подряд, на которые он обязательно ответит «да», и есть большая вероятность, что на следующий, важный для вас вопрос, собеседник ответит также «да».

5. Использование повторов. Повторение обладает сильным средством воздействия, так как повторение наиболее важных положений закрепляет их в сознании и приводит к тому, что собеседник к ним привыкает и начинает принимать ваши доводы и рассуждения, соглашаться с вашей точкой зрения.

6. Использование эвфемизмов, то есть слов. Представляющих действительность в более выигрышном и благоприятном свете, нежели она есть на самом деле, а так же метафор, которые создают красочный образ. Такие слова могут оказать мощное эмоциональное воздействие.

7. Акцентировка. Монотонность речи может «усыпить» собеседника, поэтому в своей речи необходимо делать логические ударения, паузы, выделять голосом отдельные, наиболее значимые, слова и фразы, изменять темп речи.

8. Упрощение, то есть использование конструкций «или-или».

9. Использование иностранных слов, терминов, а так же общеупотребительных штампов (хорошо известно, что... , имеет огромное теоретическое или практическое значение..., сегодня каждый знает и т.п.)

10. Выборный подбор информации. Этот прием состоит в том, что используются только те факторы, которые являются выгодными для информационно-психологического воздействия.

11. «Информационный шум». В основе этой манипулятивной уловки лежит принцип, когда основная информация добавляется множеством других материалов, не относящихся к рассматриваемой теме (сложные теоретические выкладки, заумные выступления специалистов). В результате главная тема как бы размывается, теряется ее основной смысл.

1.3. Языковая личность как объект лингвистических исследований

Происхождение понятия «языковая личность» связано с именем немецкого ученого Л. Вайсберга, впервые употребившего его в книге «Родной язык и формирование духа» в 1927 году. Он утверждал, что язык – всеобщее культурное достояние; никто не владеет языком только благодаря собственной языковой личности, а напротив, человек владеет им благодаря тому, что принадлежит к определенному языковому сообществу.

В русской лингвистической науке первым исследователем в этом направлении стал В. В. Виноградов. В работе «О художественной прозе» в (1930) он говорил о двух путях изучения языковой личности: личности автора и личности персонажа. Виноградов основал анализ литературных произведений как с точки зрения читателя, так и с точки зрения автора, отождествляя исследователя с образом автора, а читателя с персонажем, героем произведения. Он полагал, что образ автора – это категория исследовательская, а художественный образ – читательская. Термин «языковая личность» стал употребляться в научной среде с 1920-1930 гг., но научное определение ему было дано лишь в 1980-х гг. в работах филолога и лингвиста Георгия Исаевича Богина и языковеда Юрия Николаевича Караулова.

Г. И. Богин разрабатывал понятие языковой личности. Он создал модель языковой личности, исследуя в ней человека с точки зрения его

«готовности производить поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 2015: 28].

В широкий научный оборот понятие «языковая личность» ввел Ю. Н. Караулов. Он назвал языковой личностью человека, обладающего способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью [Караулов 1986: 233].

Опираясь на художественный текст Ю. Н. Караулов полагал, что языковая личность имеет три структурных уровня:

- 1) вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком;
- 2) когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство (на этом уровне происходит отражение языковой модели мира личности и культуры);
- 3) прагматический, или высший, который включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности [Караулов 1986: 233].

Наиболее сильно в изучении языковой личности представлен психологический объект, пронизывающий не только когнитивный и прагматический уровни, но и вербально-семантический, т. к. основывается на заимствованных из психологии идеях его организации в виде ассоциативно-вербальной сети. Но в тоже время глубина представления личности в психологии превосходит психологическую глубину представления языковой личности лингвистическими средствами. То есть лингвист, обращаясь к языковой личности, оставляет вне поля своего внимания важнейшие с психологических позиций аспекты личности, раскрывающие ее как конкретную индивидуальность.

По утверждению Караулова, «языковедческий подход раскрывает и новые возможности для конкретного и конструктивного наполнения некоторых важных, но слишком обобщенных и потому трудных для оперирования ими понятий» [Караулов 1967: 37].

С учетом его уровневой характеристики в языковой личности им дается методическое определение такого чисто философского понятия, как мировоззрение: «Мировоззрение есть результат соединения когнитивного уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины» мира, с ее жизненными целями. Поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах» [Караулов 1967: 38].

Именно лингвистический анализ этого материала и позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности, для которого достаточен определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т.п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени. Караулов называет этот материал дискурсом. Хотя в реконструкции мировоззрения конкретной языковой индивидуальности практически никогда не удастся выявить систему, гармонию и единство.

Этот опыт подводит к мысли о возможности языкового воздействия на формирование мировоззрения, языкового сопровождения процессов становления личности, о выработке принципов своеобразного ортолингвогенеза, обеспечивающего языковую сторону воспитания и совершенствования человека. Иными словами, отправляясь от понятия языковой личности, мы приходим к возможности говорить о психологической инженерии (не об инженерной психологии, а по апологии с генной инженерией, – о психологической инженерии, психологическом конструировании, в котором языковому компоненту должна принадлежать заметная роль)

Все сказанное трактует языковую личность не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии, один из ракурсов ее изучения наряду с «экономической», «этической», «юридической» и т. п. «личностью», а как вид целостного представления личности с ее психическим, социальным и этическим компонентами, но рассматриваемый через ее язык, ее дискурс.

Таким образом, в качестве объекта лингвopsихологического изучения заложена потребность комплексного подхода к анализу языковой личности, возможность и необходимость выявления на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков.

Караулов выдвигает гипотезу о существовании психоглоссы, под которой он понимает «единицу языкового сознания, отражающую определенную характерную черту языкового строя, системой родного языка, обладающую высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени» [Караулов 1967: 46].

На этом он и строит свое исследование, которое может иметь диахроническое (историческое) измерение, территориальное (синхроническое) и онтогенетическое и в итоге может воссоздать некоторые черты национального языкового типа.

Поэтому мы легко отличаем устную и письменную речь иностранца, относительно неплохо или даже хорошо владеющего русским языком, от речи малообразованного носителя русского языка, представителя того или иного говора; поэтому обнаруживается странное совпадение с формами, зафиксированными в диалектах и в истории развития этого языка; и, наконец, поэтому современный человек способен понимать тексты XI, XII вв. Это первый исследовательский сюжет, предлагаемый Карауловым.

Второй сюжет выводит на главный план социально-психологические характеристики языковой личности и исходит из следующих посылок.

Человек в среднем проживает 25 тыс. дней, строящихся, в зрелом возрасте, довольно стандартно. Чтобы сделать выводы не только о языке, но и о других уровнях организации человека как языковой личности, достаточно описать один типовой день или дневной дискурс.

Обозначив последний сюжет как «Эволюцию русской языковой личности», по мнению Караулова, можно проследить развитие исторической личности в историческом времени, выявить, что наиболее подверглось изменению на каждом языковом уровне, как взаимосвязаны изменяющиеся параметры, например, состав лексикона и жизненные идеалы, или иерархия ценностей в картине мира и моральные принципы и т. п.

Итак, под языковой личностью понимается 1) человек как носитель языка – личность речевая; 2) совокупность особенностей вербального поведения человека – личность коммуникативная; 3) закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составленный на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая.

Ю. Н. Караулов предложил новый подход в современной и коммуникативной лингвистике; «за каждым текстом стоит языковая личность» в противовес тезису «за каждым текстом стоит система языка».

В последние годы учеными разрабатывается интегральное понятие языковой личности, в котором станет возможным объединение четырех основополагающих свойств языка и четырех лингвистических парадигм: язык историчен, психичен, системен, социально обусловлен. То есть понятие языковой личности становится стержневым, типологическим понятием.

Выводы по первой главе

Манипулирование сознанием людей имеет глубокие корни и прослеживается как в области творчества, так и в исторической практике. Сегодня манипулирование людским сознанием достигло значительных высот. Среди всех способов манипуляции самым популярным является языковая.

Речевое воздействие на человека осуществляется при помощи вербальных и невербальных средств. В процессе общения вербальные и невербальные факторы речевого воздействия не взаимосвязаны самым тесным образом и различаются по своей роли на разных этапах акта коммуникации.

Нами была рассмотрена языковая личность как объект лингвистических исследований. Языковая личность является одним из центральных в языковой лингвистике феноменом. К ней как к задаче исследования, объекту изучения и как исследовательскому приему можно подойти с разных позиций:

- 1) с позиции психолингвистики – от психологии языка и речи;
- 2) с позиции лингводидактики – от закономерностей изучения языка;
- 3) от изучения языка художественной литературы.

Каждой языковой личности свойственно индивидуальное мышление, которое становится компонентом общественного мышления.

Лингвистический анализ позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности. В объекте лингвистического изучения заложена потребность комплексного подхода к анализу языковой личности и на этом основании проследить развитие исторической личности в историческом времени.

Речевое манипулирование – разновидность психолингвистического манипулирования, которое может изучаться с точки зрения разных семиотических систем.

Способы языкового воздействия, используемые при речевом манипулировании, весьма разнообразны: от преднамеренного искажения в тексте реальной действительности посредством закрепления за ключевыми словами не свойственных им ранее коннотаций, до тонкой, виртуозной игры слов, создания желаемого впечатления при помощи средств языковой выразительности – тропов, стилистических (риторических) фигур и т.д.

Важно уметь разграничить обычные приемы языковой выразительности и речевое манипулирование как явление. «Способов манипуляции столько же, сколько людей» [Ирена Дзедзиц]. Но можно выделить основные типологические группы приемов скрытого речевого воздействия, придающих в своей совокупности высказыванию манипулятивный характер.

ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

2.1. Пётр Верховенский как активный манипулятор с философией главенствовать и властвовать в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

Пётр Верховенский – центральный персонаж романа Достоевского «Бесы» (1870-1872). С фигурой Верховенского связана личность организатора тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаева (1847-1882), под руководством которого в ноябре 1869 года было совершено убийство слушателя Петровской земледельческой академии И. И. Иванова.

Пётр Верховенский – «революционер»», но он показан вовсе не самоотверженным борцом за лучшее общество — он жесток, низок и лжив. Поэтому в Советском Союзе всегда с подозрением относились к роману, видя в нем поношение высоконравственных революционеров. Нечаев в качестве прототипа героя вовсе не предназначался исключительно для поношения. Как это явствует из статьи «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя»», 1873 г.), Достоевский даже защищает Нечаева.

Каким же видится Достоевскому окарикатуренный Нечаев? Обычный человек все время испытывает самые разные чувства: радость, грусть, злобу, жалость, сочувствие, бессилие, эгоистический страх, разумное опасение за свою жизнь, высокую жертвенность, равнодушие и т. д. В отношениях с другими людьми эти эмоции продуцируют сочувствие, понимание и непонимание, и это приводит к познанию как самого себя, так и других.

Но не таков Пётр Верховенский – он лишен этих противоречивых чувств. Сталкиваясь с людьми, он совершает непредсказуемые поступки и, тем самым, приводит в действие свое окружение. Его не заботят чувства других, он лишен понимания, как устроено общение, он действует, причем в нем нет ни малейшей жалости, ни страха. Его вера неколебима, ибо в нем отсутствует всякая эмоциональная жизнь Достоевский предлагает нам череду фактов, свидетельствующих о презрительности и жестокости Петра

Верховенского, не осложняемых сочувствием и критикой. Все его проявления свидетельствуют о том, что он безжалостный манипулятор. Люди, которые окружают Петра Верховенского, часто поддаются его пассам и позволяют манипулировать собой, не оказывая никакого сопротивления. Это происходит, потому что Верховенский-младший обращается с ними только как с людьми низшими и не допускает никаких отклонений от этой линии поведения, ему известна лишь такая форма общения. Окольные пути не интересуют его, он — человек прямого действия.

Когда человек обыкновенный попытается понять Петра Верховенского, ему будет не за что зацепиться. Такие чувства, как одиночество, фрустрация, раскаяние, неведомы Петру Верховенскому. Лишенный всяческой рефлексии, он безжалостно шагает по этой земле. Пётр Верховенский не понимает людей, у него не сформирована сама эта потребность. Видя мучения Кириллова, согласно теории которого ему необходимо совершить самоубийство, Пётр Верховенский и не думает остановить круговерть мыслей Кириллова, ему совершенно неинтересно, как и почему пришел Кириллов к такому умонастроению. Собственное равнодушие не доставляет Петру Верховенскому никакой головной боли. То, что Кириллов реализует свою идею, доставляет Верховенскому чувство удовлетворения. Верховенский — бесчувственный делец, его волнует только одно — как вписать его смерть в свой план, и как этот план осуществить.

Окружающие Верховенского люди ослеплены его выдающейся энергетикой, они не замечают того, что это человек мелкий и лишенный внутренней жизни, что в основе его веры лежит низость. Однако беглый каторжник Федька видит его насквозь: *«Всё равно как поганая человечья вошь, — вот я тебя за кого почитаю»*.

С самого начала Петр Степанович характеризуется своей многословной, мелко сыплющейся речью, которая вся состоит из словесных штампов: «бисер вечно готовых слов», как говорит хроникер «Бесов» (X, 144). Эта шаблонная и торопливая речь густо разукрашена ляпсусами и

безвкусицей: *«Вы сами видите, Варвара Петровна, что тут недоразумение, и на вид много чудного, а между тем дело ясное, как свечка, и простое, как палец»* (X, 147). Так он «разъясняет» обществу отношения Ставрогина к Хромоножке: *«Впрочем, романист от безделья мог бы испечь роман»* (X, 148). И он сам тут же «испекает роман» о рыцаре Ставрогине и восторженной идиотке.

Таким образом, Пётр Верховенский в романе является негодяем, чья политическая биография полна темных пятен и обрызгана кровью. Его прошлое возникает из слухов и недомолвок, его фигура «заграничного революционера» имеет некий тайный изъян, однако сомнительная репутация, шлейф предательства и ренегатства, подозрения в связях с охранкой не мешают нам признать Петра Верховенского, «уполномоченного из заграничного центрального комитета», «двигателем» и вождем.

2.2. Речевое манипулирование Петра Верховенского

В нашем исследовании мы рассмотрели Петра Верховенского как языковую личность, характерной чертой которой является речевое манипулирование.

«Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчётливы и окончательны, – и это особенно выдаётся. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернышки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком...».

Речевую стратегию Петра Верховенского можно определить как стратегию дискредитации и подчинения собеседников через частные

стратегии лжи, оскорбления, насмешки, угрозы, как стремление к постоянному контролю над ситуацией любой ценой. Ради этого он использует приёмы не только речевого, но и психологического манипулирования, которые варьируются, переплетаются и постоянно сменяют друг друга. Не случайно исследователи не раз подчёркивали, что непомерная подвижность и болтливость Верховенского могут быть объяснены тем, что он, с одной стороны, постоянно пробует различные приёмы воздействия, оценивает их эффективность, а с другой стороны, из-за своего невежества и сомнений не в состоянии оценить силу и успешность собственного влияния, и как результат – временное, до следующей попытки, поражение в общении с самыми разными лицами: Ставрогиним, Федькой Каторжным, Кирилловым, Шатовым, злоба и новая попытка самоутвердиться за счёт манипуляции.

Петр Степанович Верховенский – лидер революционного движения в романе «Бесы», сын Степана Трофимовича, хитрый и коварный человек. Это главный «бес» в произведении Достоевского, руководитель тайного кружка, распространяющего атеистские прокламации. Он с детства дружен с Николаем Ставрогиним. Воодушевленный дикими идеями, он пытается увлечь ими и Николая. Ставрогин же называет его *«полупомешанным энтузиастом»*. Несмотря на то, что Петр Степанович недурен собой, он никому не нравится. Ему примерно 27 лет. У него приплюснутая голова, остренький носик и длинные, тонкие губы. Одевается всегда по моде, но выглядит чужаковато. Ведет себя по-щегоольски развязно. Особенно он неприятен Шатову, который называет его *«клопом, невеждой и дураком»*.

«Я на обезьяну мою смеюсь», – говорит Николай Ставрогин прямо в лицо Петру Верховенскому, нимало не беспокоясь, что может его оскорбить, унижить, называет его помешанным и спрашивает, не служит ли он в тайной полиции. Для Кириллова он – низкий человек с маленьким умом, дурак, подлец, для Шатова – шпион и подлец. Федька Каторжный также понимает истинную цену этого человека, говоря ему: *«...ты выходишь передо мною*

настоящий подлец. Всё равно как поганая человечья вошь... ты выходишь первый убийца... Всё одно что идолопоклонник, и на одной линии с татаринцом или мордвой состоишь... бестолковый идол... глупая собачонка». Действительно, в романе нет ни одного персонажа, который сохранил бы добрые чувства к Верховенскому. Даже Эркель, готовый понять и простить любой жест своего кумира, в момент прощания ощущает какое-то беспокойство и неудовлетворённость, потому что чувствует (а далее – поймёт), что, как и все другие, был всего лишь объектом манипулирования в руках этого человека, сам не зная того, служил для него средством достижения личных целей.

Почему у Верховенского это получилось? Почему мальчик, крестивший на ночь подушку, чтобы ночью не умереть, смог стать человеком, получающим от людей то, что ему захочется? Эволюции героя Достоевский подробно не показывает, читатель видит Верховенского уже в середине книги и знакомится с ним как с окончательно сформировавшейся личностью, но выводы, которые предлагает читателю автор, вполне однозначны. Перед нами человек циничный, холодно-расчётливый, не знающий никаких моральных запретов, присвоивший себе право на провокацию и предательство, не способный ценить человеческую жизнь. Его поведение в романе – это непрерывная черта интриг, лжи и грубости, его задача – всемогущество и безграничное управление людьми, основанные на всеобщем страхе и человеческих слабостях.

Верховенский на генетическом уровне впитал в себя психологию приживальщика, когда необходимо в быту и повседневности жить за счёт других и при этом избежать чувства унижения. Это особенно трудно, если ты человек умный, а в этом Достоевский своему герою не отказывает. В одной из дневниковых записей, посвящённых Петру Верховенскому, Достоевский отмечает: *«Необыкновенный по уму человек, но легкомыслие, непрерывные промахи даже в том, что он мог бы знать. Обидчивость и невыдержанность характера. Если бы он был с литературным талантом,*

то был бы не ниже никого из наших великих критиков – руководителей начала шестидесятых годов. Он писал бы, конечно, другое, чем они, но эффект произвёл бы тот же самый. Разумеется, я тут ни слова про нравственность. И не применяю, о нравственности я пока не сужу. Я только про ум и способности. Он и теперь действует за границей и говорит обаятельно. Он понял, например, что Кириллову ужасно трудно застрелить себя и что он верует, пожалуй, пуще пона» [Цит. по: Allain 1984].

Как отмечает Р. Г. Назиров: «Производить эффект и внушать людям страх – вот наслаждение Петра Верховенского... Этот сын приживальщика, нервный и боязливый мальчик... с годами превратился в одержимого – в фанатика силы. Комплекс неполноценности породил дикое стремление к сверхкомпенсации, жажду власти, и трусливый, глуповатый мальчик развил в себе замечательное умение манипулировать людьми. Он творит миф о собственном всемогуществе... Петр Верховенский – не человек идеи, но у него есть и цель – власть, и практический план – «смута» и самозванец. Этот маленький мещанин, обуянный жаждой власти, понял одну истину: XIX век открывает ему неслыханные возможности авантюры и подъёма» [Назиров 2005, электронный ресурс].

Именно на постоянном манипулировании людьми держится успех Петра Верховенского. К числу наиболее типичных речевых тактик Верховенского, без сомнения, могут быть отнесены утаивание информации (пассивное манипулирование), ложь, создание фантомов, коммуникативный саботаж, подтасовка фактов, конкретизация и детализация как средство отвлечения внимания и достижения психологического лидерства, аргумент к силе, внедрение стереотипов, навешивание ярлыков, деление на «своих» и «чужих», инсинуация, выведение оппонента из себя. Верховенский стремится постоянно держать ситуацию под контролем, и его излюбленные приёмы – высокая скорость обсуждения (он внезапно появляется, постоянно движется, много и быстро говорит, при желании сообщая массу ненужных подробностей, повторение и нарушение логики.

Главной особенностью манипуляции является не просто внедрение в сознание собеседника необходимой информации с последующим её закреплением, но и обязательное сохранение у последнего ощущения самостоятельного выбора.

Верховенский появляется в пятой части пятой главы романа одновременно с другим главным героем, Ставрогиным. Именно последнего ждёт общество, и Верховенский, ненадолго опередив Ставрогина и использовав фактор внезапности, сразу завладевает инициативой. Его появление в новом месте – строго продуманный и хорошо подготовленный поступок. Не случайно позже он делится коммуникативным опытом: *«Сочините-ка вашу физиономию, Ставрогин; я всегда сочиняю, когда к ним вхожу»*. Его тактики в первый момент – контактоустанавливающая и контроль над ситуацией. Он быстро движется, внезапно и резко сокращает расстояние (*влетел теперь в гостиную... заговорил ещё из соседней залы и так и вошёл, говоря... мигнов очутился перед Варварой Петровной*); частица и местоимения в первой реплике (*представьте же, Варвара Петровна... я вхожу и думаю застать его здесь уже с четверть часа*) призваны усилить впечатление прерванного и продолженного диалога. При этом Верховенский ни на минуту никого не выпускает из-под контроля: он поочередно обращается к разным героям, неизменно используя тактику сокращения дистанции, но в то же время сразу, с первой минуты, готовит почву для будущей психологической пытки капитана Лебядкина, когда, ещё обращаясь с первой репликой к Варваре Петровне, *«обвёл глазами комнату и особенно внимательно остановил их на капитане»*. В то же время его стремление занять главенствующую коммуникативную позицию периодически разрушается другими участниками диалога (как происходит, например, в тот момент, когда Степан Петрович узнаёт сына и пытается по-отцовски и по-человечьи встретить своего единственного ребёнка, сжимая его в объятиях), и в подобных ситуациях у Верховенского не хватает навыков сохранить избранную роль (*«Ну, не шали, не шали, без жестов, ну и довольно, довольно,*

прошу тебя», – торопливо бормотал Петруша, стараясь высвободиться из объятий – частицы, повторы, наречие и глагол в авторской реплике демонстрируют душевное смятение «Петруши»), и только внезапное появление Ставрогина спасает Верховенского и позволяет ему сохранить роль Манипулятора.

В эпизоде, когда Варвара Петровна пытается выяснить у сына, является ли Марья Тимофеевна Лебядкина его женой, а Ставрогин, не дав прямого ответа, уводит Хромоножку, Верховенский естественно отступает на второй план, однако стоило Ставрогину и Лебядкиной уйти, как Пётр Степанович тут же захватывает лидерство: *«Но всех более горячился Пётр Степанович; он в чём-то отчаянно убеждал Варвару Петровну, с большими жестами, но я долго не мог понять. Обращался и к Прасковье Ивановне, и к Лизавите Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу, – одним словом, очень вертелся по комнате... Тем временем капитан, наверно, хотел улизнуть, это я подметил. Он был в сильном и несомненном испуге, с самого того мгновения, как появился Николай Всеволодович; но Пётр Степанович схватил его за руку и не дал уйти.*

– Это необходимо, необходимо, – сыпал он своим бисером Варваре Петровне, всё продолжая её убеждать. Он стоял перед нею, а она уже опять сидела в креслах, и помню, с жадностью её слушала; он-таки добился того и завладел вниманием».

Приём сработал, и Верховенский получает возможность изложить нужную ему версию отношений между Ставрогиным, Лебядкиным и его сестрой. Однако сделанного ему недостаточно, и он прилюдно добивается от Лебядкина подтверждения собственной лжи: *«Господин Лебядкин, правда ли всё то, что я здесь сейчас говорил?*

Капитан, до сих пор стоявший молча и потупив глаза, быстро шагнул два шага вперёд и весь побагровел.

– Пётр Степанович, вы жестоко со мной поступили, – проговорил он, точно оборвал.

– Как это жестоко и почему-с? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости после, а теперь я прошу вас только ответить на первый вопрос: правда ли всё то, что я говорил, или нет? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сделать своё заявление.

– Я... вы сами знаете, Пётр Степанович... – пробормотал капитан, осёкся и замолчал. Надо заметить, что Пётр Степанович сидел в креслах, заложив ногу на ногу, а капитан стоял перед ним в самой почтительной позе.

Колебания господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Петру Степановичу; лицо его передёрнулось какой-то злобной судорогой.

– Да вы уже в самом деле не хотите что-нибудь заявить? Тонко поглядел он на капитана, - в таком случае сделайте одолжение, вас ждут.

– Вы знаете сами, Пётр Степанович, что я не могу ничего заявлять.

– Нет, я этого не знаю, в первый раз даже слышу; почему так вы не можете заявлять?

Капитан молчал, опустив глаза в землю.

– Позвольте мне уйти, Пётр Степанович, – проговорил он решительно.

– Но не ранее того, как вы дадите какой-нибудь ответ на мой первый вопрос: правда всё, что я говорил?

– Правда-с, глухо проговорил Лебядкин и вскинул глазами на мучителя. Даже пот выступил на висках его.

– Всё правда?

– Всё правда-с».

Верховенский прекрасно понимает, что та информация, которая ему известна о Лебядкине, не позволит последнему публично опровергнуть его слова, и потому он с такой уверенностью осуществляет давление на капитана. В первой своей реплике Лебядкин пытается уйти от навязываемой ему линии поведения и перевести разговор на оценку действий Верховенского. Тот пресекает попытку капитана и усиливает своё давление.

Власть Верховенского настолько крепка, что ему не мешает даже формально более слабая коммуникативная позиция, когда он располагается ниже своего собеседника, и его уверенность подчёркнута автором через описание невербальных средств коммуникации. Тут же прорывается истинный характер Верховенского, когда он не может справиться со своей мимикой. Он продолжает оказывать давление на капитана и не прекращает его даже тогда, когда тот подтверждает «правдивость» сказанного. Примечательна роль частицы -с в этом отрывке, которая в реплике Верховенского является средством выражения иронии, а в репликах Лебядкина реализует свою этикетную функцию подчёркивания более низкого социального положения по отношению к собеседнику.

Таким образом, перед нами действительно активный манипулятор с философией главенствовать и властвовать, пытающийся управлять другими с помощью активных методов и боящийся продемонстрировать свою слабость. Поведение Верховенского – это классическое поведение манипулятора. По наблюдениям О. А. Гудиной, манипулятор:

- «старается слишком приблизиться или, наоборот, отдалиться, нарушая границы вашего психологического пространства или разрывая необходимую дистанцию;
- принимает закрытые позы, систематически подпирает голову или излишне суется;
- часто играет фактами вашего прошлого, делового опыта: он досконально изучил, знает ваши сильные и слабые стороны;
- старается вводить в разговор философские темы, заодно пытается выяснять ваши идеалы, жизненную миссию, и обыгрывает это;
- льстит, завышая значимость ваших слов или действий;
- часто упоминает ваш или свой статус, ненавязчиво обозначая, что кто-то из вас выше/ниже;
- драматизирует ситуацию, создаёт у вас состояние тревожности, а затем использует это;

- часто ссылается на третьих лиц;
- скрытно проверяет ваши знаний, возможности;
- навязывает свои услуги;
- нередко отвечает уклончиво, подстраивается к вашему поведению, позам, речи;
- чётко распределяет роль в своей переговорной команде: злой – добрый, дотошный – благодущный, провокатор – примиритель и т.п.;
- в нужный момент при помощи неожиданных вопросов старается изменить ход беседы в выгодную для себя сторону;
- перед принятием важного решения начинает торопить вас;
- выбирает по собственной инициативе неудобное для вас время»

[Гудина 2011: 17]. В рассмотренной сцене герой использует практически весь набор поведенческих стандартов, да и в целом нет ни одного из перечисленных выше приёмов поведения манипулятора, которое в тот или иной момент романа не характеризовали бы действия Петра Верховенского.

Можно сказать, что в момент первого своего появления Верховенский нарушает все принципы кооперативного общения Грайса [Грайс 1985: 46]: информативности (его рассказ не соответствует истине), ясности (речь его – образец двусмысленности), связности (один из приёмов манипулирования – изменить тему разговора), истинности (герой много лжёт).

Герой достаточно успешно следует избранной линии поведения на протяжении всего романа. Кроме избранных для анализа, отметив ещё два эпизода успешного манипулирования. В общении с Кармазиновым Верховенский также избирает стратегию подчинения и построения собственного имиджа. Имея опыт взаимодействия с собеседником и зная стандарты его поведения, Верховенский поступает вопреки сложившимся традициям, коммуникациям (подставляет щёку для поцелуя, свободно разваливается в предложенном тексте, соглашается откусать «и котлетку, и кофею, и вина» в ответ на формальное приглашение, демонстрирует откровенное пренебрежение к рукописи хозяина) и в результате, вместо того,

чтобы быть выгнанным, заслуживает следующей характеристики: *«этот Неуч... этот Неуч, вероятно, понял сейчас всю колкость моей фразы... да и рукопись, конечно, прочитал с жадностью, а только лжёт из видов. Но может быть и то, что не лжёт, а совершенно искренно глуп. Гениального человека я люблю несколько глупым. Уж не гений ли он какой у них в самом деле, чёрт его, впрочем, дери»*. В ответ на откровенно наглое поведение Верховенского Кармазинов отказывается от главенствующей коммуникативной позиции, которая принадлежит ему в силу его возраста и общественных заслуг, и создаёт собственную психологическую защиту, позволяющую сохранить самоуважение и эмоциональное равновесие: Он предпочитает назвать собеседника глупцом и гением, лишь бы только не признаваться в том, что молодой и ничего не добившийся в жизни человек позволяет себе так с ним обращаться.

После скандала на бале задачей Верховенского было добиться того, чтобы Юлия Михайловна не только не отменила вторую часть праздника, но и сама присутствовала на нём. Сцена, когда Верховенский упрощает её, – пример использования классических приёмов речевого воздействия во всём их многообразии, от рационалистического убеждения (1) и уговаривания (2), до откровенной лжи (3) и прямого давления (4): (1) *«Сочтём по пальцам: я утверждаю, что кроме Липутина, никакого заговора не было, ни – ка – кого! Я докажу, но анализируем сначала Липутина. Он вышел со стихами дурака Лебядкина – что ж это, по-вашему, заговор? Да знаете ли вы, что Липутину это просто остроумным могло показаться? Серьёзно, серьёзно остроумным. Он просто вышел с целью всех насмешить и развеселить, а покровительницу Юлию Михайловну первую. Вот и всё. Не верите? Ну не в тоне ли это всего того, что было здесь целый месяц? И, хотите, всё скажу: ей-богу, при других обстоятельствах, пожалуй бы, и прошло! Шутка грубая, но там сальная, что ли, а ведь смешная, ведь смешная?»*

(2) *Ну, чего плакать! Вам непременно надо сцену? На ком-нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мне, только скорее, потому что время идет, а надо*

решиться. Напортили чтением, скрасим балом. Вот и князь того же мнения.

(3) О чем я вам долбил весь месяц без умолку? О чем предупреждал? Ну на что, на что вам был весь этот народ? Надо было связаться с людишками! Зачем, для чего? Соединять общество? Да разве они соединятся, помилосердуйте!

– Когда же вы предупреждали меня? Напротив, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мне приводили многих странных людей.

– Напротив, я спорил с вами, а не одобрял...

(4) Так согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на бале. Ведь это штука важная, ведь вы его сами на кафедру взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы с этим не солидарны, что молодец уже в руках полиции, а что вы были необъяснимым образом обмануты. Вы должны объявить с негодованием, что вы были жертвою сумасшедшего человека. Потому что ведь это сумасшедший, и больше ничего. О нем так и доложить надо».

Наиболее сложное и противоречивое поведение Пётр Верховенский демонстрирует после убийства Шатова в общении с Кирилловым. Задача героя – добиться не только самоубийства Кириллова, но и того, чтобы было написано предсмертное письмо с нужным Верховенскому содержанием. Эта цель осложняется неоднозначностью личных отношений героев, поскольку Кириллов прекрасно знает истинную цену Верховенского и не скрывает своего презрения.

Вначале герой действует по уже не раз опробованной схеме завладения инициативой посредством использования более сильной коммуникативной позиции. Он вошёл к Кириллову, имея вид злобный и задорный. Верховенский избирает для общения покровительственный тон, что подчёркнуто автором через мимику героя и использование местоимения мы в значении совместности. Некоторое время ему удастся выдерживать эту

коммуникативную линию, даже несмотря на постоянные открытые оскорбления со стороны Кириллова. Он применяет свой излюбленный приём с едой в гостях, однако подавить соперника на этот раз не удастся: необычность ситуации не допускает традиционных ходов.

В эмоциональном состоянии Кириллова нет равновесия, и Верховенский в начале диалога не способен его изменить, поскольку не принадлежит к числу приятных для Кириллова лиц. Как отмечает А. Ю. Панасюк [Панасюк 2007: 39-44], для того, чтобы убеждающая информация была собеседником не только понята, но и принята от говорящего, а также стала мотивом для дальнейших действий, необходимо, чтобы установка на личность индуктора у собеседника была положительной. Другими словами, «психологический закон убеждающей коммуникации: при прочих равных условиях люди легче принимают позицию того человека, к которому у них положительное отношение (от простого уважения до влюблённости), и наоборот, труднее принимают позицию того человека, к которому у них отрицательное отношение» [Панасюк 2007: 43]. Именно поэтому Кириллов на словах подтверждает своё намерение написать предсмертное письмо, потому что раньше обещал это сделать, но фактически сопротивляется в ответ на любые предложения Верховенского. Конфликт доходит почти до крайности: герои угрожают друг другу оружием, и Кириллов напрямую отказывается писать записку. Ситуация меняется после того, как Верховенский демонстрирует Кириллову общность их взглядов и тем самым меняет отношение к себе с отрицательного на положительное: *«Кириллов вдруг утих и опять зашагал.*

– Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: все подлецы!

– Ну вот это идея; конечно, все подлецы, и так как на свете порядочному человеку мерзко, то...

– Дурак, я тоже такой подлец, как ты, как все, а не порядочный. Порядочного нигде не было.

– Наконец-то догадался. Неужели вы до сих пор не понимали, Кириллов, с вашим умом, что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только умнее и глупее, и что если все подлецы (что, впрочем, вздор), то, стало быть, и не должно быть неподлеца?

– А! Да ты в самом деле не смеешься? – с некоторым удивлением посмотрел Кириллов. – Ты с жаром и просто... Неужто у таких, как ты, убеждения?

– Кириллов, я никогда не мог понять, за что вы хотите убить себя. Я знаю только, что из убеждения... из твердого. Но если вы чувствуете потребность, так сказать, излить себя, я к вашим услугам... Только надо иметь в виду время...».

Этим диалогом и особенно последней репликой Верховенский неосознанно преодолевает два важных барьера, не дающих Кириллову совершить самоубийство: барьер восприятия говорящего, рассмотренный ранее, и барьер отношения к предстоящему поступку.

Данный эпизод – пример манипулирования на речевом и психологическом уровнях одновременно. В сложившихся обстоятельствах не могло быть по-другому, поскольку нестандартность ситуации не позволяла герою использовать привычные приёмы, он вовремя от них отказывается и избирает совершенно иную модель поведения: переходит на позиции собеседника, вступает с ним в диалог, ничего внешне не навязывая, и начинает играть по его правилам. В противном случае в присутствии неискреннего человека Кириллов не застрелился бы. Как отмечает Д. В. Аксёнов, «надёжность признаков, передающих подлинное отношение вашего партнёра по общению, убывает в следующем порядке: пространственное расположение, поза, голосовые сигналы, мимика, непосредственно высказывания. Иначе говоря, скрыть правду или истинное отношение к вам легче всего посредством слов, мимики, голоса и труднее всего – при помощи других средств общения (жестов, движений, позы)» [Аксёнов 2005: 46].

Поэтому Верховенский и сводит внешнюю активность к минимуму, полностью переключаясь на диалог.

Естественно, что Верховенский не мог знать этих постулатов. Но внутренняя составляющая его характера позволяла ему добиваться своих целей в самых различных ситуациях. По наблюдениям Е. Л. Доценко, может быть названо несколько причин возникновения манипуляции: 1) конфликт человека с самим собой, недоверие по отношению к другим людям; 2) неспособность к любви; 3) ощущение абсолютной беспомощности; 4) боязнь тесных межличностных контактов; 5) некритичное стремление получать одобрение всех и каждого [Доценко 1996: 63-64].

Верховенский – олицетворение всех перечисленных причин; можно сказать, что метастазы манипулятивного отношения к действительности поразили все три уровня его языковой личности: вербально-грамматический, и когнитивный, и прагматический. Герой Достоевского демонстрирует нашему обществу страшную картину разрушения, которое может стать результатом действий личности, не наученной жить по человеческим законам, оторванной от родной почвы и неспособной следовать законам нравственности.

Для создания более правдоподобной картины желаемой действительности необходимо придать красочности, выразительности, образности передаваемой информации, поэтому в речи Петра Верховенского метафоры присутствуют в изобилии: *Это был, так сказать бриллиант на грязном фоне ее жизни; Сестрица же кормилась как птица небесная* и др. Петр Верховенский любит употреблять каламбур: *Есть вещи, Варвара Петровна, о которых не только нельзя умно говорить, но о которых и начинать-то говорить неумно; Чем хуже, тем лучше; Главное в том, что главного не понимаю; Все что-то знают, а я вот именно чего-то и не знаю.*

В речи Петра Верховенского много лексических повторов, например: *...этот господин, этот самый господин Лебядкин; Но, позвольте, я ведь еще не начал про ваше поведение в настоящем виде, в его настоящем виде. Я*

начну говорить про ваше поведение в его настоящем виде, в его настоящем виде. Я начну говорить, это очень может случиться, но я ведь еще не начал в настоящем виде; Ведь это станется, ведь мы наговорим, наговорим; Но это письмо, варвара Петровна, это письмо я дочитал; Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсем ничего; Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступника сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, и сами того не знают...Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем?

Особую выразительность речи придают прилагательные в сравнительной и превосходной степени (*Содом был ужаснейший; Разуверьтесь, я в самом деле ее уважаю, потому что она всех нас лучше; Которому известны важнейшие тайны; Ну будь же немного потрезвее, прошу тебя*), усилительные частицы (*Не забыла, кажется, своего профессора и даже на него не сердится, как всегда сердилась в Швейцарии; Мог явиться даже и в таких грязных трущобах; Даже удивились, что тут и все; И даже меня удивляете*), наречия с неопределенно-количественным значением (*сколько я по крайней мере могу судить; Прибавлю, что Николай Всеволодович несколько уважал этого Кириллова; Притом так много имел сообщить*), наличие частицы -с (*И это даже будет хорошо-с в некотором смысле; Как это жестко и почему-с?; Приближается в некотором смысле наш срок-с; Ну-с, тут то мы и пустим*)

В речи Петра Верховенского часто используются определенно-, неопределенно-личные (*Лишь бы платили деньги; Там вроде над нею смеялись; А между тем теперь вот из этого сделали историю...*), обобщенно-личные и безличные предложения (*Там схвачено с*

прокламациями два студента; Для полноты мне надо бы допросить тут кое в чем вот этого господина), неполные предложения (Письмо у меня в кармане; Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; Но тогда все-таки не так, как теперь), восклицательные предложения (Да Николай же Всеволодович!; Ах, вот и Николай Всеволодович, да не шали же, прошу тебя, не шали!; Много тут было смеху!; Он вряд ли две фразы во все время выговорил!; Нет, это было что-то даже высшее чудачества и, уверяю вас, нечто даже святое!; Ба, да и я теперь все понимаю!; Дарья Павловна, пожалуйста, извините меня!), использование императива (В таком случае, сделайте одолжение, вас ждут; Будьте сейчас у Кирилова, я приду...Мне необходимо, необходимо!; Слушайте же теперь, слушайте, как это все обернулось; То представьте мне, разумеется!; Стойте, не кричите!; Прежде чем раскрою рот, выкладывайте свое, вы что-то подобрались; Если хотите отказаться, объявите сейчас же), широкое применение вводных слов и предложений (сколько замечая; кажется; однако ж; впрочем; сколько я по крайней мере могу судить; сколько замечая; по своему обыкновению; пожалуй; наконец; если хотите; не забудьте это; разумеется; повторяю; нарочно; в сущности, вы думаете; по крайней мере по моему взгляду; одним словом; можете представить и т.д.).

2.3. Система упражнений для уроков развития речи

Упражнения, основой которых послужил речевой материал, взятый из произведения Ф. М. Достоевского «Бесы», направлены на решение следующих задач: способствовать овладению учащимися методикой лингвистического анализа текста; применять полученные знания при анализе текста; обобщить знания, полученные при изучении повелительного наклонения глаголов, побудительных предложений, вводных конструкций.

Упражнение 1. Внимательно прочитайте предложения, определите, с помощью каких языковых средств в них представлены приемы речевого манипулирования. Сделайте вывод о том, как в русском языке может выражаться манипулирование.

«Кириллов вдруг утих и опять зашагал.

– Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: все подлецы!

– Ну вот это идея; конечно, все подлецы, и так как на свете порядочному человеку мерзко, то...

– Дурак, я тоже такой подлец, как ты, как все, а не порядочный. Порядочного нигде не было.

– Наконец-то догадался. Неужели вы до сих пор не понимали, Кириллов, с вашим умом, что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только умнее и глупее, и что если все подлецы (что, впрочем, вздор), то, стало быть, и не должно быть неподлеца?

– А! Да ты в самом деле не смеешься? – с некоторым удивлением посмотрел Кириллов. – Ты с жаром и просто... Неужто у таких, как ты, убеждения?

– Кириллов, я никогда не мог понять, за что вы хотите убить себя. Я знаю только, что из убеждения... из твердого. Но если вы чувствуете потребность, так сказать, излить себя, я к вашим услугам... Только надо иметь в виду время...».

Ключ. Этим диалогом и особенно последней репликой Верховенский неосознанно преодолевает два важных барьера, не дающих Кириллову

совершить самоубийство: барьер восприятия говорящего, рассмотренный ранее, и барьер отношения к предстоящему поступку.

Данный эпизод – пример манипулирования на речевом и психологическом уровнях одновременно. В сложившихся обстоятельствах не могло быть по-другому, поскольку нестандартность ситуации не позволяла герою использовать привычные приёмы, он вовремя от них отказывается и избирает совершенно иную модель поведения: переходит на позиции собеседника, вступает с ним в диалог, ничего внешне не навязывая, и начинает играть по его правилам. В противном случае в присутствии неискреннего человека Кириллов не застрелился бы. Надёжность признаков, передающих подлинное отношение вашего партнёра по общению, убывает в следующем порядке: пространственное расположение, поза, голосовые сигналы, мимика, непосредственно высказывания. Иначе говоря, скрыть правду или истинное отношение к вам легче всего посредством слов, мимики, голоса и труднее всего – при помощи других средств общения (жестов, движений, позы).

Упражнение 2. Прочитайте описание Петра Верховенского. Какие языковые единицы свидетельствуют о том, что он является манипулятором?

«Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчётливы и окончательны, – и это особенно выдаётся. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернышки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком...».

Ключ.

Речевую стратегию Петра Верховенского можно определить как стратегию дискредитации и подчинения собеседников через частные стратегии лжи, оскорбления, насмешки, угрозы, как стремление к постоянному контролю над ситуацией любой ценой. Ради этого он использует приёмы не только речевого, но и психологического манипулирования, которые варьируются, переплетаются и постоянно сменяют друг друга. Не случайно исследователи не раз подчёркивали, что непомерная подвижность и болтливость Верховенского могут быть объяснены тем, что он, с одной стороны, постоянно пробует различные приёмы воздействия, оценивает их эффективность, а с другой стороны, из-за своего невежества и сомнений не в состоянии оценить силу и успешность собственного влияния, и как результат – временное, до следующей попытки, поражение в общении с самыми разными лицами: Ставрогиным, Федькой Каторжным, Кирилловым, Шатовым, злоба и новая попытка самоутвердиться за счёт манипуляции.

Обращают на себя внимание наречия *скоро, торопливо, самоуверенно*; краткие прилагательные *спокойны, отчётливы и окончательны, ясен*, которые характеризуют речь манипулятора.

Упражнение 3. Прочитайте. С помощью каких языковых единиц выражается отношение говорящего к высказываемому? Как данные конструкции характеризуют личность Петра Верховенского?

Сочтём по пальцам: я утверждаю, что кроме Липутина, никакого заговора не было, ни-ка-кого! Я докажу, но анализируем сначала Липутина. Он вышел со стихами дурака Лебядкина – что ж это, по-вашему, заговор? Да знаете ли вы, что Липутину это просто остроумным могло показаться? Серьёзно, серьёзно остроумным. Он просто вышел с целью всех насмешить и развеселить, а покровительницу Юлию Михайловну первую. Вот и всё. Не верите? Ну не в тоне ли это всего того, что было здесь целый месяц? И, хотите, всё скажу: ей-богу, при других обстоятельствах, пожалуй бы, и

прошло! Шутка грубая, но там сальная, что ли, а ведь смешная, ведь смешная?

(2) Ну, чего плакать! Вам непременно надо сцену? На ком-нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мне, только скорее, потому что время идет, а надо решиться. Напортили чтением, скрасим балом. Вот и князь того же мнения.

(3) О чем я вам долбил весь месяц без умолку? О чем предупреждал? Ну на что, на что вам был весь этот народ? Надо было связаться с людишками! Зачем, для чего? Соединять общество? Да разве они соединятся, помилосердуйте!

– Когда же вы предупреждали меня? Напротив, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мне приводили многих странных людей.

– Напротив, я спорил с вами, а не одобрял...

(4) Так согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на бале. Ведь это штука важная, ведь вы его сами на кафедру взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы с этим не солидарны, что молодец уже в руках полиции, а что вы были необъяснимым образом обмануты. Вы должны объявить с негодованием, что вы были жертвою сумасшедшего человека. Потому что ведь это сумасшедший, и больше ничего. О нем так и доложить надо».

Ключ. Отношение говорящего к высказываемому выражается с помощью вводных конструкций *по-вашему, хотите, пожалуй бы, напротив, признаюсь*. Они характеризуют личность Петра Верховенского как очень хитрого, мягкого, изворотливого человека.

Упражнение 4. Найдите глаголы в форме повелительного наклонения и укажите модальные оттенки волеизъявления (приказ, мольба/ просьба, наказ, шутливо-ироническое побуждение, простое побуждение, позволение, совет, предостережение).

1) В таком случае, сделайте одолжение, вас ждут.

2) *Будьте сейчас у Кирилова, я приду...*

3) *Мне необходимо, необходимо! Слушайте же теперь, слушайте, как это все обернулось!*

4) *То представьте мне, разумеется!*

5) *Стойте, не кричите!*

6) *Прежде чем раскрою рот, выкладывайте свое, вы что-то подобрались!*

7) *Если хотите отказаться, объявите сейчас же!*

Ключ.

1) – Сделайте одолжение – просьба;

2) – будьте – рекомендация;

3) – слушайте – совет;

4) – представьте – приказ;

5) – стойте, не кричите – приказ;

6) – выкладывайте – совет;

7) – объявите – распоряжение.

Упражнение 5. Прочитайте данные предложения. Какую функцию в них выполняет частица *-с*?

1) *И это даже будет хорошо-с в некотором смысле;*

2) *Как это жестко и почему-с?;*

3) *Приближается в некотором смысле наш срок-с;*

4) *Ну-с, тут то мы и пустим.*

Ключ. В данных предложениях частица *-с* выражает почтение, передает заискивание перед вышестоящими. Конструкции с данной частицей являются архаичными.

Упражнение 6. Прочитайте диалог Петра Верховенского с Юлией Михайловной. Какие классические приемы речевого воздействия на собеседника используются в данном диалоге?

«Сочтём по пальцам: я утверждаю, что кроме Липутина, никакого заговора не было, ни – ка – кого! Я докажу, но анализируем сначала

Липутина. Он вышел со стихами дурака Лебядкина – что ж это, по-вашему, заговор? Да знаете ли вы, что Липутину это просто остроумным могло показаться? Серьёзно, серьёзно остроумным. Он просто вышел с целью всех насмешить и развеселить, а покровительницу Юлию Михайловну первую. Вот и всё. Не верите? Ну не в тоне ли это всего того, что было здесь целый месяц? И, хотите, всё скажу: ей-богу, при других обстоятельствах, пожалуй бы, и прошло! Шутка грубая, но там сальная, что ли, а ведь смешная, ведь смешная?

(2) Ну, чего плакать! Вам непременно надо сцену? На ком-нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мне, только скорее, потому что время идет, а надо решиться. Напортили чтением, скрасим балом. Вот и князь того же мнения.

(3) О чем я вам долбил весь месяц без умолку? О чем предупреждал? Ну на что, на что вам был весь этот народ? Надо было связаться с людишками! Зачем, для чего? Соединять общество? Да разве они соединятся, помилосердуйте!

– Когда же вы предупреждали меня? Напротив, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мне приводили многих странных людей.

– Напротив, я спорил с вами, а не одобрял...

(4) Так согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на бале. Ведь это штука важная, ведь вы его сами на кафедру взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы с этим не солидарны, что молодец уже в руках полиции, а что вы были необъяснимым образом обмануты. Вы должны объявить с негодованием, что вы были жертвою сумасшедшего человека. Потому что ведь это сумасшедший, и больше ничего. О нем так и доложить надо».

Ключ. После скандала на бале задачей Верховенского было добиться того, чтобы Юлия Михайловна не только не отменила вторую часть праздника, но и сама присутствовала на нём. Сцена, когда Верховенский

упрашивает её, – пример использования классических приёмов речевого воздействия во всём их многообразии, от рационалистического убеждения (1) и уговаривания (2), до откровенной лжи (3) и прямого давления (4).

Упражнение 7. Прочитайте отрывок из произведения Ф. М. Достоевского «Бесы». С помощью какого приема Петр Верховенский осуществляет мапулирование Лебядкиным? Докажите. Назовите языковые средства, с помощью которых Лебядкин выражает свое почтение манипулятору?

«Господин Лебядкин, правда ли всё то, что я здесь сейчас говорил?»

Капитан, до сих пор стоявший молча и потупив глаза, быстро шагнул два шага вперёд и весь побагровел.

– Пётр Степанович, вы жестоко со мной поступили, – проговорил он, точно оборвал.

– Как это жестоко и почему-с? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости после, а теперь я прошу вас только ответить на первый вопрос: правда ли всё то, что я говорил, или нет? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сделать своё заявление.

– Я... вы сами знаете, Пётр Степанович... – пробормотал капитан, осёкся и замолчал. Надо заметить, что Пётр Степанович сидел в креслах, заложив ногу на ногу, а капитан стоял перед ним в самой почтительной позе.

Колебания господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Петру Степановичу; лицо его передёрнулось какой-то злобной судорогой.

– Да вы уже в самом деле не хотите что-нибудь заявить? Тонко поглядел он на капитана, - в таком случае сделайте одолжение, вас ждут.

– Вы знаете сами, Пётр Степанович, что я не могу ничего заявлять.

– Нет, я этого не знаю, в первый раз даже слышу; почему так вы не можете заявлять?

Капитан молчал, опустив глаза в землю.

– Позвольте мне уйти, Пётр Степанович, – проговорил он решительно.

– Но не ранее того, как вы дадите какой-нибудь ответ на мой первый вопрос: правда всё, что я говорил?

– Правда-с, глухо проговорил Лебядкин и вскинул глазами на мучителя. Даже пот выступил на висках его.

– Всё правда?

– Всё правда-с».

Ключ. Верховенский прекрасно понимает, что та информация, которая ему известна о Лебядкине, не позволит последнему публично опровергнуть его слова, и потому он с такой уверенностью осуществляет давление на капитана. В первой своей реплике Лебядкин пытается уйти от навязываемой ему линии поведения и перевести разговор на оценку действий Верховенского. Тот пресекает попытку капитана и усиливает своё давление. Власть Верховенского настолько крепка, что ему не мешает даже формально более слабая коммуникативная позиция, когда он располагается ниже своего собеседника, и его уверенность подчёркнута автором через описание невербальных средств коммуникации. Тут же прорывается истинный характер Верховенского, когда он не может справиться со своей мимикой. Он продолжает оказывать давление на капитана и не прекращает его даже тогда, когда тот подтверждает «правдивость» сказанного. Примечательна роль частицы -с в этом отрывке, которая в реплике Верховенского является средством выражения иронии, а в репликах Лебядкина реализует свою этикетную функцию подчёркивания более низкого социального положения по отношению к собеседнику.

Таким образом, перед нами действительно активный манипулятор с философией главенствовать и властвовать, пытающийся управлять другими с помощью активных методов и боящийся продемонстрировать свою слабость. Поведение Верховенского – это классическое поведение манипулятора.

Разработанная система упражнений способствует повышению интереса школьников к изучаемому произведению Ф. М. Достоевского. Задания направлены на развитие умений грамотно выстраивать письменную и устную речь, производить лингвистический анализ текста. Также они помогут учащимся увидеть связь между грамматическими формами и авторской прагматикой.

Выводы по второй главе

Речевая манипуляция – это «использование скрытых возможностей языка для того, чтобы навязать собеседнику определённое представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающее с тем, какое слушающий мог бы сформировать самостоятельно» [Франк 1988].

Несмотря на то что проблема постоянно находится в центре внимания исследователей, до сих пор не выработаны единые подходы к классификации средств речевого манипулирования, нет терминологического единства. В ряду средств речевой манипуляции рассматриваются как традиционные риторические приёмы, известные ещё со времён античности, так и единицы различных языковых уровней (в первую очередь, лексического, но в немалой степени – морфологического и синтаксического, а также фонетического и отчасти графического), обладающие определённым потенциалом в формировании речевого воздействия. Трудность составления типологии объясняется, в том числе, и тем, что манипулятивный потенциал языковой единицы не принадлежит к числу её необходимых атрибутов, а выявляется только в конкретной языковой ситуации под влиянием конкретного контекста. То же можно сказать и о средствах речевой манипуляции в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Поведение Верховенского – это классическое поведение манипулятора: он старается слишком приблизиться или, наоборот, отдалиться, нарушая границы вашего психологического пространства или разрывая необходимую дистанцию; принимает закрытые позы, систематически подпирает голову или излишне суется; часто играет фактами прошлого, делового опыта: он знает сильные и слабые стороны жертвы; старается вводить в разговор философские темы, заодно пытается выяснять ваши идеалы, жизненную миссию, и обыгрывает это; льстит, завышая значимость чужих слов или действий; часто упоминает свой статус, ненавязчиво обозначая, что кто-то из собеседников выше/ниже; драматизирует ситуацию, создаёт у окружающих

состояние тревожности, а затем использует это; часто ссылается на третьих лиц; скрытно проверяет знания, возможности собеседника; навязывает свои услуги; нередко отвечает уклончиво, подстраивается к поведению, позам, речи собеседника; чётко распределяет роль в своей переговорной команде: злой – добрый, дотошный – благодушный, провокатор – примиритель и т.п.; в нужный момент при помощи неожиданных вопросов старается изменить ход беседы в выгодную для себя сторону; перед принятием важного решения начинает торопить собеседника; выбирает по собственной инициативе неудобное для собеседника время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая личность – это личность, выражающая совокупность социальных, физических, психологических, эмоциональных, прагматических характеристик в языке. Это сложное явление с многоуровневой организацией.

Для речевого манипулирования характерна ориентация не на убеждение, а на внушение; основным ее «инструментом» являются психологически точные апелляции к эмоциональной сфере адресата, ориентированные на использование его психических нужд для достижения определенных целей. Можно утверждать, что речевое манипулирование может осуществляться на трех основных уровнях («ярусах») речи: фактическом, логическом и языковом.

Петр Верховенский – это человек прямого действия; такие чувства, как одиночество, фрустрация, раскаяние, неведомы Петру Верховенскому. Лишенный всяческой рефлексии, он не понимает людей и лишён всяческой потребности в этом. В результате исследования, мы выявили, что Петр Верховенский обладает психологическими и языковыми (речевыми) навыками манипуляции: быстрое сокращение дистанции, нарушающее границы психологического пространства; закрытые позы, излишняя суэта; доскональное изучение личности собеседника, давление на слабые и сильные стороны; быстрота речи, быстрая смена темы; лесть; навязывание, ложь, выбор неудобного для собеседника времени. В его речи используются провокационные повторы, наречия и глаголы, усилительные частицы, оказывающие давление на собеседника.

Таким образом, мы видим, что Пётр Верховенский активный манипулятор с философией главенствовать и властвовать, пытающийся управлять другими с помощью активных методов и боящийся продемонстрировать свою слабость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксёнов Д. В. Речевые построения, выдающий ложь. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/bezlichnye-predlozheniya-v-tekstakh-omamentalnoi-prozy-struktura-semantika-funktsionirovani>.
2. Андо А. К истории создания образа Петра Верховенского. Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1987. – 239с.
3. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000. – 553 с.
4. Бальян А. М. Языковая личность как объект лингвистических исследований // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 4. – С. 41-43.
5. Баранов А. Н. Что нас убеждает. Общественное сознание и язык. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
6. Беляева И. В. Грамматика манипулятивной коммуникации // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – №1. – С. 117-120.
7. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти. – М., 1987. – 150 с.
8. Богин Г. И. Концепция языковой личности. - Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1982. – 288 с.
9. Васильев А. Д. Некоторые манипулятивные приёмы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. – 2006. – №20. – С. 116.
10. Виноградов В. В. О художественной прозе. – М. – Л., 1930. – 193 с.
11. Грайс Г. П. Логика и речевое общение. – М., 2015. – 500 с.
12. Гудина О. А. Манипуляция и её виды в педагогическом дискурсе // Язык и культура. – 2011. – №2. – С. 21.
13. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. – М., 1997. – 173с.
14. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 1996. – 344 с.

15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2006. – 289 с.
16. Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. – 1986. – №7. – С. 222-234.
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1967. – 264 с.
18. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2011. – 832 с.
19. Колесникова Г. И. Манипуляции: техники успешного общения. – Ростов-на-Дону, 2011. – 280 с.
20. Малюкова Д. С. Лингвокультурологическое освещение использования интерпретационного потенциала лексических единиц в манипулятивных целях // Вестник Томского государственного университета. Культура и искусствоведение. – 2011. – №3. – С. 10.
21. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 230 с.
22. Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – №3. – С. 146.
23. Федюнина Е. С. Языковые особенности агрессивных текстов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2011. – №1. – С. 97-100.
24. Франке Г. Манипулируемый человек. – М., 1988. – 312 с.
25. Шаховский В. Н. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филол. науки. – 1998. – №2. – С. 43-47.
26. Штайн К. Э. Манипулятивная стратегия как средство гармонизации общения в рамках рекламного текста // Этика и социология текста: Сб. ст. науч. Метод. Семинара «TEXTUS». – Санкт-Петербург. Ставрополь. – 2004. – №10. – С. 304-306.

Контексты, содержащие вербальные и невербальные средства манипуляции

Сочтем по пальцам: я утверждаю, что, кроме Липутина, никакого заговора не было, ни-ка-кого! Я докажу, но анализируем сначала Липутина. Он вышел со стихами дурака Лебядкина — что ж это, по-вашему, заговор? ... Шутка грубая, ну там сальная, что ли, а ведь смешная, ведь смешная?

Ну, чего плакать! Вам непременно надо сцену? На ком-нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мне, только скорее, потому что время идет, а надо решиться. Напортили чтением, скрасим балом. Вот и князь того же мнения. ... Ну не в тоне ли это всего того, что было здесь целый месяц? И хотите всё скажу: Ей богу, при других обстоятельствах пожалуй бы и прошло! Шутка грубая, ну там сильная что ли, а ведь смешная, ведь смешная? - Как! Вы считаете поступок Липутина остроумным? - в страшном негодовании вскричала Юлия Михайловна, - такую глупость, такую бестактность, эту низость, подлость, этот умысел, о, вы это нарочно!

О чем я вам долбил весь месяц без умолку? О чем предупреждал? Ну на что, на что вам был весь этот народ? Надо было связаться с людишками! Зачем, для чего? Соединять общество? ... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мне приводили многих странных людей. - Напротив, я спорил с вами, а не одобрял, а водить - это точно, водил, но когда уже они сами налезли дюжинами, и то только в последнее время, чтобы составить "кадриль литературы", а без этих хамов не обойдешься. Но только бы ох об заклад, сегодня десяток-другой таких же других хамов без билетов провели! - Непременно, - подтвердил я. - Вот видите, вы уже соглашаетесь.

Так согласитесь, что вы теперь даже обязаны появиться на бале. Ведь это штука важная, ведь вы его сами на кафедру взвели. Вы именно должны теперь публично заявить, что вы с этим не солидарны, что молодец уже в руках полиции, а что вы были необъяснимым образом обмануты. Вы должны объявить с негодованием, что вы были жертвою сумасшедшего человека. Потому что ведь это сумасшедший, и больше ничего. О нем так и доложить надо. Я этих кусающихся терпеть не могу. Я, пожалуй, сам еще пуще говорю, но ведь не с кафедры же.

Кириллов вдруг утих и опять зашагал. — Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: все подлецы! — Ну вот это идея; конечно, все подлецы, и так как на свете порядочному человеку мерзко, то... ... Изо всей силы прихлопнул он дверь и опять налег на нее, но уже всё утихло — опять мертвая тишина. Долго стоял он в нерешимости со

свечой в руке. В ту секунду, как отворял, он очень мало мог разглядеть, но, однако, мелькнуло лицо Кириллова, стоявшего в глубине комнаты у окна, и зверская ярость, с которою тот вдруг к нему кинулся.

Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста, с жидкими белокурыми, довольно длинными волосами и с клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но, однако ж, совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чужак, и, однако же, все у нас находили потом его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу.

Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие. Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щеках и около скул, что придает ему вид как бы выздоравливающего после тяжелой болезни. И, однако же, он совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен.

Он ходит и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется, ничто не может привести его в смущение; при всяких обстоятельствах и в каком угодно обществе он останется тот же. В нем большое самодовольство, но сам он его в себе не примечает нисколько.

Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчетливы и окончательны, — и это особенно выдается. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком.

Ну вот этот-то молодой человек и влетел теперь в гостиную, и, право, мне до сих пор кажется, что он заговорил еще из соседней залы и так и вошел говоря. Он мигом очутился пред Варварой Петровной.

— ...Представьте же, Варвара Петровна, — сыпал он как бисером, — я вхожу и думаю застать его здесь уже с четверть часа; он полтора часа как приехал; мы сошлись у Кириллова; он отправился, полчаса тому, прямо сюда и велел мне тоже сюда приходить

через четверть часа...

— Да кто? Кто велел вам сюда приходить? — допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай же Всеволодович! Так неужели вы в самом деле только сию минуту узнаете? Но багаж же его по крайней мере должен давно прибыть, как же вам не сказали? Стало быть, я первый и возвещаю. За ним можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочем, наверно он сам сейчас явится, и, кажется, именно в то самое время, которое как раз отвечает некоторым его ожиданиям и, сколько я по крайней мере могу судить, его некоторым расчетам. — Тут он обвел глазами комнату и особенно внимательно остановил их на капитане. — Ах, Лизвета Николаевна, как я рад, что встречаю вас с первого же шагу, очень рад пожать вашу руку, — быстро подлетел он к ней, чтобы подхватить протянувшуюся к нему ручку весело улыбнувшейся Лизы, — и, сколько замечаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего «профессора» и даже на него не сердится, как всегда сердилась в Швейцарии. Но как, однако ж, здесь ваши ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо ли приговорил вам швейцарский консилиум климат родины?... как-с? примочки? это очень, должно быть, полезно. Но как я жалел, Варвара Петровна (быстро повернулся он опять), что не успел вас застать тогда за границей и засвидетельствовать вам лично мое уважение, притом же так много имел сообщить... Я уведомлял сюда моего старика, но он, по своему обыкновению, кажется...

— Петруша! — вскричал Степан Трофимович, мгновенно выходя из оцепенения; он сплеснул руками и бросился к сыну. — *Pierre, mon enfant*, а ведь я не узнал тебя! — сжал он его в объятиях, и слезы покатались из глаз его.

— Ну, не шали, не шали, без жестов, ну и довольно, довольно, прошу тебя, — торопливо бормотал Петруша, стараясь освободиться из объятий.

— Я всегда, всегда был виноват пред тобой!

— Ну и довольно; об этом мы после. Так ведь и знал, что зашалишь. Ну будь же немного потрезвее, прошу тебя.

— Но ведь я не видал тебя десять лет!

— Тем менее причин к излияниям...

— *Mon enfant*!

— Ну верю, верю, что любишь, убери свои руки. Ведь ты мешаешь другим... Ах, вот и Николай Всеволодович, да не шали же, прошу тебя, наконец!

— Это необходимо, необходимо, — сыпал он своим бисером Варваре Петровне, всё продолжая ее убеждать. Он стоял пред нею, а она уже опять сидела в креслах и, помню, с жадностью его слушала; он-таки добился того и завладел ее вниманием.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тут недоразумение, и

на вид много чудного, а между тем дело ясное, как свечка, и простое, как палец. Я слишком понимаю, что никем не уполномочен рассказывать, и имею, пожалуй, смешной вид, сам напрашиваясь. Но, во-первых, сам Николай Всеволодович не придает этому делу никакого значения, и, наконец, всё же есть случаи, в которых трудно человеку решиться на личное объяснение самому, а надо непременно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать некоторые деликатные вещи. Поверьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодович нисколько не виноват, не ответив на ваш давешний вопрос тотчас же, радикальным объяснением, несмотря на то что дело плевое; я знаю его еще с Петербурга. К тому же весь анекдот делает только честь Николаю Всеволодовичу, если уж непременно надо употребить это неопределенное слово «честь»...

— Вы хотите сказать, что вы были свидетелем какого-то случая, от которого произошло... это недоумение? — спросила Варвара Петровна.

— Свидетелем и участником, — поспешно подтвердил Петр Степанович.

— Если вы дадите мне слово, что это не обидит деликатности Николая Всеволодовича, в известных мне чувствах его ко мне, от которой он ни-че-го не скрывает... и если вы так притом уверены, что этим даже сделаете ему удовольствие...

— Непременно удовольствие, потому-то и сам вменяю себе в особенное удовольствие. Я убежден, что он сам бы меня просил.

Довольно странно было и вне обыкновенных приемов это навязчивое желание этого вдруг упавшего с неба господина рассказывать чужие анекдоты. Но он поймал Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишком наболевшего места. Я еще не знал тогда характера этого человека вполне, а уж тем более его намерений.

— Вас слушают, — сдержанно и осторожно возвестила Варвара Петровна, несколько страдая от своего снисхождения.

— Вещь короткая; даже, если хотите, по-настоящему это и не анекдот, — посыпался бисер. — Впрочем, романист от безделья мог бы испечь роман. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я уверен, что Лизавета Николаевна с любопытством выслушает, потому что тут много если не чудных, то причудливых вещей. Лет пять тому, в Петербурге, Николай Всеволодович узнал этого господина, — вот этого самого господина Лебядкина, который стоит разиня рот и, кажется, собирался сейчас улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вам, впрочем, не советую улепетывать, господин отставной чиновник бывшего провиантского ведомства (видите, я отлично вас помню). И мне и Николаю Всеволодовичу слишком известны ваши здешние проделки, в которых, не забудьте это, вы должны будете дать отчет. Еще раз прошу извинения, Варвара Петровна. Николай Всеволодович называл тогда этого господина своим

Фальстафом; это, должно быть (пояснил он вдруг), какой-нибудь бывший характер, burlesque, 1 над которым все смеются и который сам позволяет над собою всем смеяться, лишь бы платили деньги. Николай Всеволодович вел тогда в Петербурге жизнь, так сказать, насмешливую, — другим словом не могу определить ее, потому что в разочарование этот человек не впадет, а делом он и сам тогда пренебрегал заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, — вот эта самая, что сейчас здесь сидела. Братец и сестрица не имели своего угла и скитались по чужим. Он бродил под арками Гостиного двора, непременно в бывшем мундире, и останавливал прохожих с виду почище, а что наберет — пропивал. Сестрица же кормилась как птица небесная. Она там в углах помогала и за нужду прислуживала. Содом был ужаснейший; я миную картину этой угловой жизни, — жизни, которой из чудачества предавался тогда и Николай Всеволодович. Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до «чудачества», то это его собственное выражение. Он многое от меня не скрывает. Mademoiselle Лебядкина, которой одно время слишком часто пришлось встречать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью.

Это был, так сказать, бриллиант на грязном фоне ее жизни. Я плохой описатель чувств, а потому пройду мимо; но ее тотчас же подняли дрянные людишки на смех, и она загрустила. Там вообще над нею смеялись, но прежде она вовсе не замечала того. Голова ее уже и тогда была не в порядке, но тогда все-таки не так, как теперь. Есть основание предположить, что в детстве, через какую-то благотельницу, она чуть было не получила воспитания. Николай Всеволодович никогда не обращал на нее ни малейшего внимания и играл больше в старые замасленные карты по четверть копейки в преферанс с чиновниками. Но раз, когда ее обижали, он (не спрашивая причины) схватил одного чиновника за шиворот и спустил из второго этажа в окно. Никаких рыцарских негодований в пользу оскорбленной невинности тут не было; вся операция произошла при общем смехе, и смеялся всех больше Николай Всеволодович сам; когда же всё кончилось благополучно, то помирились и стали пить пунш. Но угнетенная невинность сама про то не забыла.

Разумеется, кончилось окончательным сотрясением ее умственных способностей. Повторяю, я плохой описатель чувств, но тут главное мечта. А Николай Всеволодович, как нарочно, еще более раздражал мечту: вместо того чтобы рассмеяться, он вдруг стал обращаться к mademoiselle Лебядкиной с неожиданным уважением. Кириллов, тут бывший (чрезвычайный оригинал, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человек; вы, может быть, когда-нибудь его увидите, он теперь здесь), ну так вот, этот Кириллов, который, по обыкновению, всё молчит, а тут вдруг разгорячился, заметил, я помню,

Николаю Всеволодовичу, что тот третирует эту госпожу как маркизу и тем окончательно ее добивает. Прибавлю, что Николай Всеволодович несколько уважал этого Кириллова. Что же, вы думаете, он ему ответил: «Вы полагаете, господин Кириллов, что я смеюсь над нею; разуверьтесь, я в самом деле ее уважаю, потому что она всех нас лучше». И, знаете, таким серьезным тоном сказал. Между тем в эти два-три месяца он, кроме «здравствуйте» да «прощайте», в сущности, не проговорил с ней ни слова.

Я, тут бывший, наверно помню, что она до того уже наконец дошла, что считала его чем-то вроде жениха своего, не смеющего ее «похитить» единственно потому, что у него много врагов и семейных препятствий или что-то в этом роде. Много тут было смеху! Кончилось тем, что, когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, он, уезжая, распорядился о ее содержании и, кажется, довольно значительном ежегодном пенсионе, рублей в триста по крайней мере, если не более. Одним словом, положим, всё это с его стороны баловство, фантазия преждевременно уставшего человека, — пусть даже, наконец, как говорил Кириллов, это был новый этюд пресыщенного человека с целью узнать, до чего можно довести сумасшедшую калеку. «Вы, говорит, нарочно выбрали самое последнее существо, калеку, покрытую вечным позором и побоями — и вдобавок зная, что это существо умирает к вам от комической любви своей, — и вдруг вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет!». Чем, наконец, так особенно виноват человек в фантазиях сумасшедшей женщины, с которой, заметьте, он вряд ли две фразы во всё время выговорил! Есть вещи, Варвара Петровна, о которых не только нельзя умно говорить, но о которых и начинать-то говорить неумно. Ну пусть, наконец, чудачество — но ведь более-то уж ничего нельзя сказать; а между тем теперь вот из этого сделали историю... Мне отчасти известно, Варвара Петровна, о том, что здесь происходит.

Рассказчик вдруг оборвал и повернулся было к Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была в сильнейшей экзальтации.

— Вы кончили? — спросила она.

— Нет еще; для полноты мне надо бы, если позволите, допросить тут кое в чем вот этого господина... Вы сейчас увидите, в чем дело, Варвара Петровна.

— Довольно, после, остановитесь на минуту, прошу вас. О, как я хорошо сделала, что допустила вас говорить!

— И заметьте, Варвара Петровна, — встрепенулся Петр Степанович, — ну мог ли Николай Всеволодович сам объяснить вам это всё давеча, в ответ на ваш вопрос, — может быть, слишком уж категорический?

— О да, слишком!

— И не прав ли я был, говоря, что в некоторых случаях третьему человеку гораздо легче объяснить, чем самому заинтересованному!

— Да, да... Но в одном вы ошиблись и, с сожалением вижу, продолжаете ошибаться.

— Неужели? В чем это?

— Видите... А впрочем, если бы вы сели, Петр Степанович.

— О, как вам угодно, я и сам устал, благодарю вас.

Он мигом выдвинул кресло и повернул его так, что очутился между Варварой Петровной с одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола с другой, и лицом к господину Лебядкину, с которого он ни на минутку не спускал своих глаз.

— Вы ошибаетесь в том, что называете это «чужаком»...

— О, если только это...

— Нет, нет, нет, подождите, — остановила Варвара Петровна, очевидно приготавливаясь много и с упоением говорить. Петр Степанович, лишь только заметил это, весь обратился во внимание.

— Нет, это было нечто высшее чужака и, уверяю вас, нечто даже святое! Человек гордый и рано оскорбленный, дошедший до той «насмешливости», о которой вы так метко упомянули, — одним словом, принц Гарри, как великолепно сравнил тогда Степан Трофимович и что было бы совершенно верно, если б он не походил еще более на Гамлета, по крайней мере по моему взгляду.

— Et vous avez raison, 2 — с чувством и веско отозвался Степан Трофимович.

— Благодарю вас, Степан Трофимович, вас я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю веру в Nicolas, в высоту его души и призвания. Эту веру вы даже во мне подкрепляли, когда я падала духом.

— Chère, chère... — Степан Трофимович шагнул было уже вперед, но приостановился, рассудив, что прерывать опасно.

И если бы всегда подле Nicolas (отчасти пела уже Варвара Петровна) находился тихий, великий в смирении своем Горацио, — другое прекрасное выражение ваше, Степан Трофимович, — то, может быть, он давно уже был бы спасен от грустного и «внезапного демона иронии», который всю жизнь терзал его. (О демоне иронии опять удивительное выражение ваше, Степан Трофимович). Но у Nicolas никогда не было ни Горацио, ни Офелии. У него была лишь одна его мать, но что же может сделать мать одна и в таких обстоятельствах? Знаете, Петр Степанович, мне становится даже чрезвычайно понятным, что такое существо, как Nicolas, мог являться даже и в таких грязных трущобах, про которые вы рассказывали. Мне так ясно представляется теперь эта «насмешливость»

жизни (удивительно меткое выражение ваше!), эта ненасытная жажда контраста, этот мрачный фон картины, на котором он является как бриллиант, по вашему же опять сравнению, Петр Степанович. И вот он встречается там всеми обиженное существо, калеку и полупомешанную, и в то же время, может быть, с благороднейшими чувствами!

— Гм, да, положим.

— И вам после этого непонятно, что он не смеется над нею, как все! О люди! Вам непонятно, что он защищает ее от обидчиков, окружает ее уважением, «как маркизу» (этот Кириллов, должно быть, необыкновенно глубоко понимает людей, хотя и он не понял Nicolas!). Если хотите, тут именно через этот контраст и вышла беда; если бы несчастная была в другой обстановке, то, может быть, и не дошла бы до такой умоисступленной мечты. Женщина, женщина только может понять это, Петр Степанович, и как жаль, что вы... то есть не то, что вы не женщина, а по крайней мере на этот раз, чтобы понять!

— То есть в том смысле, что чем хуже, тем лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это вроде как в религии: чем хуже человеку жить или чем забитее или беднее весь народ, тем упрямее мечтает он о вознаграждении в раю, а если при этом хлопочет еще сто тысяч священников, разжигая мечту и на ней спекулируя, то... я понимаю вас, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положим, не совсем так, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту в этом несчастном организме (для чего Варвара Петровна тут употребила слово «организм», я не мог понять), неужели он должен был сам над нею смеяться и с нею обращаться, как другие чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое сострадание, ту благородную дрожь всего организма, с которою Nicolas вдруг строго отвечает Кириллову: «Я не смеюсь над нею». Высокий, святой ответ!

— Sublime, 3 — пробормотал Степан Трофимович.

— И заметьте, он вовсе не так богат, как вы думаете; богата я, а не он, а он у меня тогда почти вовсе не брал.

— Я понимаю, понимаю всё это, Варвара Петровна, — несколько уже нетерпеливо шевелился Петр Степанович.

— О, это мой характер! Я узнаю себя в Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту возможность бурных, грозных порывов... И если мы когда-нибудь сблизимся с вами, Петр Степанович, чего я с моей стороны желаю так искренно, тем более что вам уже так обязана, то вы, может быть, поймете тогда...

— О, поверьте, я желаю, с моей стороны, — отрывисто пробормотал Петр Степанович.

— Вы поймете тогда тот порыв, по которому в этой слепоте благородства вдруг

берут человека даже недостойного себя во всех отношениях, человека, глубоко не понимающего вас, готового вас измучить при всякой первой возможности, и такого-то человека, наперекор всему, воплощают вдруг в какой-то идеал, в свою мечту, совокупают на нем все надежды свои, преклоняются пред ним, любят его всю жизнь, совершенно не зная за что, — может быть, именно за то, что он недостойн того... О, как я страдала всю жизнь, Петр Степанович!

Степан Трофимович с болезненным видом стал ловить мой взгляд; но я вовремя увернулся.

— ...И еще недавно, недавно — о, как я виновата пред Nicolas!.. Вы не поверите, они измучили меня со всех сторон, все, все, и враги, и людишки, и друзья; друзья, может быть, больше врагов. Когда мне прислали первое презренное анонимное письмо, Петр Степанович, то, вы не поверите этому, у меня не достало, наконец, презрения, в ответ на всю эту злость... Никогда, никогда не прощу себе моего малодушия!

— Я уже слышал кое-что вообще о здешних анонимных письмах, — оживился вдруг Петр Степанович, — и я вам их разыщу, будьте покойны.

— Но вы не можете вообразить, какие здесь начались интриги! — они измучили даже нашу бедную Прасковью Ивановну — а ее-то уж по какой причине? Я, может быть, слишком виновата пред тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, — прибавила она в великодушном порыве умиления, но не без некоторой победоносной иронии.

— Полноте, матушка, — пробормотала та нехотя, — а по-моему, это бы всё надо кончить; слишком говорено... — и она опять робко поглядела на Лизу, но та смотрела на Петра Степановича.

— А это бедное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую всё и сохранившую одно сердце, я намерена теперь сама усыновить, — вдруг воскликнула Варвара Петровна, — это долг, который я намерена свято исполнить. С этого же дня беру ее под мою защиту!

— И это даже будет очень хорошо-с в некотором смысле, — совершенно оживился Петр Степанович. — Извините, я давеча не докончил. Я именно о покровительстве. Можете представить, что, когда уехал тогда Николай Всеволодович (я начинаю с того именно места, где остановился, Варвара Петровна), этот господин, вот этот самый господин Лебядкин мигом вообразил себя вправе распорядиться пенсионом, назначенным его сестрице, без остатка; и распорядился. Я не знаю в точности, как это было тогда устроено Николаем Всеволодовичем, но через год, уж из-за границы, он, узнав о происходившем, принужден был распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, он

их сам расскажет, но знаю только, что интересную особу поместили где-то в отдаленном монастыре, весьма даже комфортно, но под дружеским присмотром — понимаете? На что же, вы думаете, решается господин Лебядкин? Он употребляет сперва все усилия, чтобы разыскать, где скрывают от него оброчную статью, то есть сестрицу, недавно только достигает цели, берет ее из монастыря, предъявив какое-то на нее право, и привозит ее прямо сюда. Здесь он ее не кормит, бьет, тиранит, наконец получает каким-то путем от Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчас же пускается пьянствовать, а вместо благодарности кончает дерзким вызовом Николаю Всеволодовичу, бессмысленными требованиями, угрожая, в случае неплатежа пенсион впрямь ему прямо в руки, судом. Таким образом, добровольный дар Николая Всеволодовича он принимает за дань, — можете себе представить? Господин Лебядкин, правда ли всё то, что я здесь сейчас говорил?

Капитан, до сих пор стоявший молча и потупив глаза, быстро шагнул два шага вперед и весь побагровел.

— Петр Степанович, вы жестоко со мной поступили, — проговорил он, точно оборвал.

— Как это жестоко и почему-с? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости после, а теперь я прошу вас только ответить на первый вопрос: правда ли всё то, что я говорил, или нет? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сделать свое заявление.

— Я... вы сами знаете, Петр Степанович... — пробормотал капитан, осекся и замолчал. Надо заметить, что Петр Степанович сидел в креслах, заложив ногу на ногу, а капитан стоял пред ним в самой почтительной позе.

Колебания господина Лебядкина, кажется, очень не понравились Петру Степановичу; лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже в самом деле не хотите ли что-нибудь заявить? — тонко поглядел он на капитана. — В таком случае сделайте одолжение, вас ждут.

— Вы знаете сами, Петр Степанович, что я не могу ничего заявлять.

— Нет, я этого не знаю, в первый раз даже слышу; почему так вы не можете заявлять?

Капитан молчал, опустив глаза в землю.

— Позвольте мне уйти, Петр Степанович, — проговорил он решительно.

— Но не ранее того, как вы дадите какой-нибудь ответ на мой первый вопрос: правда всё, что я говорил?

— Правда-с, — глухо проговорил Лебядкин и вскинул глазами на мучителя. Даже

пот выступил на висках его.

— Всё правда?

— Всё правда-с.

— Не найдете ли вы что-нибудь прибавить, заметить? Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслух ваше неудовольствие.

— Нет, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это... это, тут было больше вино, Петр Степанович. (Он поднял вдруг голову).

Петр Степанович! Если фамильная честь и не заслуженный сердцем позор возопиют меж людей, то тогда, неужели и тогда виноват человек? — взревел он, вдруг забывшись подавешнему.

— А вы теперь трезвы, господин Лебядкин? — пронзительно поглядел на него Петр Степанович.

— Я... трезв.

— Что это такое значит фамильная честь и не заслуженный сердцем позор?

— Это я про никого, я никого не хотел. Я про себя... — провалился опять капитан.

— Вы, кажется, очень обиделись моими выражениями про вас и ваше поведение? Вы очень раздражительны, господин Лебядкин. Но позвольте, я ведь еще ничего не начинал про ваше поведение, в его настоящем виде. Я начну говорить про ваше поведение, в его настоящем виде. Я начну говорить, это очень может случиться, но я ведь еще не начинал в настоящем виде.

Лебядкин вздрогнул и дико уставился на Петра Степановича.

— Петр Степанович, я теперь лишь начинаю просыпаться!

— Гм. И это я вас разбудил?

— Да, это вы меня разбудили, Петр Степанович, а я спал четыре года под висевшей тучей. Могу я, наконец, удалиться, Петр Степанович?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна не найдет необходимым...

Но та замахала руками.

Капитан поклонился, шагнул два шага к дверям, вдруг остановился, приложил руку к сердцу, хотел было что-то сказать, не сказал и быстро побежал вон. Но в дверях как раз столкнулся с Николаем Всеволодовичем; тот посторонился; капитан как-то весь вдруг съежился пред ним и так и замер на месте, не отрывая от него глаз, как кролик от удава. Подождав немного, Николай Всеволодович слегка отстранил его рукой и вошел в гостиную.

— С чем, с чем поздравить? — подскочил вдруг Петр Степанович, — с чем вас

поздравить, Дарья Павловна? Ба! Да уж не с тем ли самым? Краска ваша свидетельствует, что я угадал. В самом деле, с чем же и поздравлять наших прекрасных и благонравных девиц и от каких поздравлений они всего больше краснеют? Ну-с, примите и от меня, если я угадал, и заплатите пари: помните, в Швейцарии бились об заклад, что никогда не выйдете замуж... Ах да, по поводу Швейцарии — что ж это я? Представьте, наполовину затем и ехал, а чуть не забыл: скажи ты мне, — быстро повернулся он к Степану Трофимовичу, — ты-то когда же в Швейцарию?

— Я... в Швейцарию? — удивился и смутился Степан Трофимович.

— Как? разве не едешь? Да ведь ты тоже женишься... ты писал?

— Pierre! — воскликнул Степан Трофимович.

— Да что Pierre... Видишь, если тебе это приятно, то я летел заявить тебе, что я вовсе не против, так как ты непременно желал моего мнения как можно скорее; если же (сыпал он) тебя надо «спасать», как ты тут же пишешь и умоляешь, в том же самом письме, то опять-таки я к твоим услугам. Правда, что он женится, Варвара Петровна? — быстро повернулся он к ней. — Надеюсь, что я не нескромничаю; сам же пишет, что весь город знает и все поздравляют, так что он, чтоб избежать, выходит лишь по ночам. Письмо у меня в кармане. Но поверите ли, Варвара Петровна, что я ничего в нем не понимаю! Ты мне только одно скажи, Степан Трофимович, поздравлять тебя надо или «спасать»? Вы не поверите, рядом с самыми счастливыми строками у него отчаяннейшие. Во-первых, просит у меня прощения; ну, положим, это в их нравах... А впрочем, нельзя не сказать: вообразите, человек в жизни видел меня два раза, да и то нечаянно, и вдруг теперь, вступая в третий брак, воображает, что нарушает этим ко мне какие-то родительские обязанности, умоляет меня за тысячу верст, чтоб я не сердился и разрешил ему!

Ты, пожалуйста, не обижайся, Степан Трофимович, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положим, тебе делает честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное в том, что главного-то не понимаю. Тут что-то о каких-то «грехах в Швейцарии». Женюсь, дескать, по грехам, или из-за чужих грехов, или как у него там, — одним словом, «грехи». «Девушка, говорит, перл и алмаз», ну и, разумеется, «он недостойн» — их слог; но из-за каких-то там грехов или обстоятельств «принужден идти к венцу и ехать в Швейцарию», а потому «бросай всё и лети спасать». Понимаете ли вы что-нибудь после этого? А впрочем... а впрочем, я по выражению лиц замечаю (повертывался он с письмом в руках, с невинною улыбкой всматриваясь в лица), что, по моему обыкновению, я, кажется, в чем-то дал маху... по глупой моей откровенности или, как Николай Всеволодович говорит, торопливости. Я ведь думал, что мы тут свои, то есть твои свои,

Степан Трофимович, твои свои, а я-то, в сущности, чужой, и вижу... и вижу, что все что-то знают, а я-то вот именно чего-то и не знаю.

Он всё продолжал осматриваться.

— Степан Трофимович так и написал вам, что женится на «чужих грехах, совершенных в Швейцарии», и чтобы вы летели «спасать его», этими самыми выражениями? — подошла вдруг Варвара Петровна, вся желтая, с искривившимся лицом, со вздрагивающими губами.

— То есть, видите ли-с, если тут чего-нибудь я не понял, — как бы испугался и еще пуще заторопился Петр Степанович, — то виноват, разумеется, он, что так пишет. Вот письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма бесконечные и непрерывные, а в последние два-три месяца просто письмо за письмом, и, признаюсь, я, наконец, иногда не дочитывал. Ты меня прости, Степан Трофимович, за мое глупое признание, но ведь согласись, пожалуйста, что хоть ты и ко мне адресовал, а писал ведь более для потомства, так что тебе ведь и всё равно... Ну, ну, не обижайся; мы-то с тобой все-таки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочитал. Эти «грехи»-с — эти «чужие грехи» — это, наверно, какие-нибудь наши собственные грешки и, об заклад бьюсь, самые невиннейшие, но из-за которых вдруг нам вздумалось поднять ужасную историю с благородным оттенком — именно ради благородного оттенка и подняли. Тут, видите ли, что-нибудь по счетной части у нас прихрамывает — надо же, наконец, сознаться. Мы, знаете, в карточки очень покладливы... а впрочем, это лишнее, это совсем уже лишнее, виноват, я слишком болтлив, но, ей-богу, Варвара Петровна, он меня напугал, и я действительно приготовился отчасти «спасать» его. Мне, наконец, и самому совестно. Что я, с ножом к горлу, что ли, лезу к нему? Кредитор неумолимый я, что ли? Он что-то пишет тут о приданом... А впрочем, уж женишься ли ты, полно, Степан Трофимович? Ведь и это станется, ведь мы наговорим, наговорим, а более для слога... Ах, Варвара Петровна, я ведь вот уверен, что вы, пожалуй, осуждаете меня теперь, и именно тоже за слог-с...

— Напротив, напротив, я вижу, что вы выведены из терпения, и, уж конечно, имели на то причины, — злобно подхватила Варвара Петровна.

Она со злобным наслаждением выслушала все «правдивые» словоизвержения Петра Степановича, очевидно игравшего роль (какую — не знал я тогда, но роль была очевидная, даже слишком уж грубовато сыгранная).

— Напротив, — продолжала она, — я вам слишком благодарна, что вы заговорили; без вас я бы так и не узнала. В первый раз в двадцать лет я раскрываю глаза. Николай Всеволодович, вы сказали сейчас, что и вы были нарочно извещены: уж не писал ли и к вам Степан Трофимович в этом же роде?

— Я получил от него невиннейшее и... и... очень благородное письмо...

— Вы затрудняетесь, ищете слов — довольно! Степан Трофимович, я ожидаю от вас чрезвычайного одолжения, — вдруг обратилась она к нему с засверкавшими глазами, — сделайте мне милость, оставьте нас сейчас же, а впредь не переступайте через порог моего дома.

— Идет? Как не надо легче. Я вас посмешу: первое, что ужасно действует, — это мундир. Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи — очень нравится и отлично принялось. Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. Знаете, социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности. Но тут беда, вот эти кусающиеся подпоручики; нет-нет да и нарвешься. Затем следуют чистые мошенники; ну эти, пожалуй, хороший народ, иной раз выгодны очень, но на них много времени идет, неусыпный надзор требуется. Ну и, наконец, самая главная сила — цемент, всё связующий, — это стыд собственного мнения. Вот это так сила! И кто это работал, кто этот «миленький» трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают.

— А коли так, из чего вы хлопочете?

— А коли лежит просто, рот разевает на всех, так как же его не стибрить! Будто серьезно не верите, что возможен успех? Эх, вера-то есть, да надо хотенья. Да, именно с такими и возможен успех. Я вам говорю, он у меня в огонь пойдет, стоит только прикрикнуть на него, что недостаточно либерален. Дураки попрекают, что я всех здесь надул центральным комитетом и «бесчисленными разветвлениями». Вы сами раз этим меня корили, а какое тут надувание: центральный комитет — я да вы, а разветвлений будет сколько угодно.

— И всё этакая-то сволочь!

— Материал. Пригодятся и эти.

— А вы на меня всё еще рассчитываете?

— Вы начальник, вы сила; я у вас только сбоку буду, секретарем. Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...

— Запнулся! — захохотал Ставрогин. — Нет, я вам скажу лучше присказку. Вы вот высчитываете по пальцам, из каких сил кружки составляются? Всё что чиновничество и сентиментальность — всё это клейстер хороший, но есть одна штука еще получше: подговорите четырех членов кружка уколошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут,

не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать. Ха-ха-ха!

«Однако же ты... однако же ты мне эти слова должен выкупить, — подумал про себя Петр Степанович, — и даже сегодня же вечером. Слишком ты много уж позволяешь себе».

Так или почти так должен был задуматься Петр Степанович. Впрочем, уж подходили к дому Виргинского.

— Вы, конечно, меня там выставили каким-нибудь членом из-за границы, в связях с Internationale, ревизором? — спросил вдруг Ставрогин.

— Нет, не ревизором; ревизором будете не вы; но вы член-учредитель из-за границы, которому известны важнейшие тайны, — вот ваша роль. Вы, конечно, станете говорить?

— Это с чего вы взяли?

— Теперь обязаны говорить.

Ставрогин даже остановился в удивлении среди улицы, недалеко от фонаря. Петр Степанович дерзко и спокойно выдержал его взгляд. Ставрогин плюнул и пошел далее.

— А вы будете говорить? — вдруг спросил он Петра Степановича.

— Нет, уж я вас послушаю.

— Черт вас возьми! Вы мне в самом деле даете идею!

— Какую? — выскочил Петр Степанович.

— Там-то я, пожалуй, поговорю, но зато потом вас отколочу и, знаете, хорошо отколочу.

— Кстати, я давеча сказал про вас Кармазинову, что будто вы говорили про него, что его надо высечь, да и не просто из чести, а как мужика секут, больно.

— Да я этого никогда не говорил, ха-ха!

— Ничего. *Se non è vero... 1*

— Ну спасибо, искренно благодарю.

— Знаете еще, что говорит Кармазинов: что в сущности наше учение есть отрицание чести и что откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно.

— Превосходные слова! Золотые слова! — вскричал Ставрогин. — Прямо в точку попал! Право на бесчестье — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется! А слушайте, Верховенский, вы не из высшей полиции, а?

— Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.

— Понимаю, да ведь мы у себя.

— Нет, покамест не из высшей полиции. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу

физиономию, Ставрогин; я всегда сочиняю, когда к ним вхожу. Побольше мрачности, и только, больше ничего не надо; очень нехитрая вещь.

— А я думал, если человек два дня сряду за полночь читает вам наедине свой роман и хочет вашего мнения, то уж сам по крайней мере вышел из этих официальностей... Меня Юлия Михайловна принимает на короткой ноге; как вас тут распознаешь? — с некоторым даже достоинством произнес Петр Степанович. — Вот вам кстати и ваш роман, — положил он на стол большую, вескую, свернутую в трубку тетрадь, наглухо обернутую синею бумагой.

Лембке покраснел и замялся.

— Где же вы отыскиали? — осторожно спросил он с приливом радости, которую сдержать не мог, но сдерживал, однако ж, изо всех сил.

— Вообразите, как была в трубке, так и скатилась за комод. Я, должно быть, как вошел, бросил ее тогда неловко на комод. Только третьего дня отыскиали, полы мыли, задали же вы мне, однако, работу!

Лембке строго опустил глаза.

— Две ночи сряду не спал по вашей милости. Третьего дня еще отыскиали, а я удержал, всё читал, днем-то некогда, так я по ночам. Ну-с, и — недоволен: мысль не моя. Да наплевать, однако, критиком никогда не бывал, но — оторваться, батюшка, не мог, хоть и недоволен! Четвертая и пятая главы это... это... это... черт знает что такое! И сколько юмору у вас напихано, хохотал. Как вы, однако ж, умеете поднять на смех *sans que cela paraisse*! 2 Ну, там в девятой, десятой, это всё про любовь, не мое дело; эффектно, однако; за письмом Игренева чуть не занюнил, хотя вы его так тонко выставили... Знаете, оно чувствительно, а в то же время вы его как бы фальшивым боком хотите выставить, ведь так? Угадал я или нет? Ну, а за конец просто избил бы вас. Ведь вы что проводите? Ведь это то же прежнее обоготворение семейного счастья, приумножения детей, капиталов, стали жить-поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не мог, да ведь тем сквернее. Читатель глуп по-прежнему, следовало бы его умным людям расталкивать, а вы... Ну да довольно, однако прощайте. Не сердитесь в другой раз; я пришел было вам два словечка нужных сказать; да вы какой-то такой...

Андрей Антонович между тем взял свой роман и запер на ключ в дубовый книжный шкаф, успев, между прочим, мигнуть Блюму, чтобы тот стушевался. Тот исчез с вытянутым и грустным лицом.

— Я не какой-то такой, а я просто... всё неприятности — пробормотал он нахмуясь, но уже без гнева и подсаживаясь к столу, — садитесь и скажите ваши два

слова. Я вас давно не видал, Петр Степанович, и только не влетайте вы вперед с вашей манерой... иногда при делах оно...

— Манеры у меня одни...

— Знаю-с, и верю, что вы без намерения, но иной раз находишься в хлопотах...

Садитесь же.

Петр Степанович разлегся на диване и мигом поджал под себя ноги.

— Ах, Петр Степанович, лучше, если б вы не уезжали!

— Да ведь я только на несколько дней; я мигом назад.

— Петр Степанович, — осторожно, но твердо вымолвил Эркель, — хотя бы вы и в Петербург. Разве я не понимаю, что вы делаете только необходимое для общего дела.

— Я меньшего и не ждал от вас, Эркель. Если вы догадались, что я в Петербург, то могли понять, что не мог же я сказать им вчера, в тот момент, что так далеко уезжаю, чтобы не испугать. Вы видели сами, каковы они были. Но вы понимаете, что я для дела, для главного и важного дела, для общего дела, а не для того, чтоб улизнуть, как полагает какой-нибудь Липутин.

— Петр Степанович, да хотя бы и за границу, ведь я пойму-с; я пойму, что вам нужно сберечь свою личность, потому что вы — всё, а мы — ничто. Я пойму, Петр Степанович.

У бедного мальчика задрожал даже голос.

— Благодарю вас, Эркель... Ай, вы мне больной палец тронули (Эркель неловко пожал ему руку; больной палец был приглядно перевязан черною тафтой). — Но я вам положительно говорю еще раз, что в Петербург я только пронюхать и даже, может быть, всего только сутки, и тотчас обратно сюда. Воротясь, я для виду поселюсь в деревне у Гаганова. Если они полагают в чем-нибудь опасность, то я первый во главе пойду разделить ее. Если же и замедлю в Петербурге, то в тот же миг дам вам знать... известным путем, а вы им. Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась, что у него был несколько бараний взгляд, иногда особенно.

— То есть это вот что, — рванулся Петр Степанович, — значит, что он написал здесь, полгода назад, эти стихи, но здесь не мог отпечатать, ну, в тайной типографии какой-нибудь — и потому просит напечатать за границей... Кажется, ясно?

— Да-с, ясно, но кого же он просит? — вот это еще не ясно, — с хитрейшею иронией заметил Лембке.

— Да Кириллова же, наконец; записка писана к Кириллову за границу... Не знали, что ли? Ведь что досадно, что вы, может быть, предо мною только прикидываетесь, а давным-давно уже сами знаете про эти стихи, и всё! Как же очутились они у вас на столе?

Сумели очутиться! За что же вы меня истязуете, если так?

Петр Степанович прошел сперва к Кириллову. Тот был, по обыкновению, один и в этот раз проделывал среди комнаты гимнастику, то есть, расставив ноги, вертел каким-то особенным образом над собою руками. На полу лежал мяч. На столе стоял неприбранный утренний чай, уже холодный. Петр Степанович постоял с минуту на пороге.

— Вы, однако ж, о здоровье своем сильно заботитесь, — проговорил он громко и весело, входя в комнату, — какой славный, однако же, мяч, фу, как отскакивает; он тоже для гимнастики?

Кириллов надел сюртук.

— Да, тоже для здоровья, — пробормотал он сухо, — садитесь.

— Я на минуту. А впрочем, сяду. Здоровье здоровьем, но я пришел напомнить об уговоре. Приближается «в некотором смысле» наш срок-с, — заключил он с неловким вывертом.

— Какой уговор?

— Как какой уговор? — всполохнулся Петр Степанович, даже испугался.

— Это не уговор и не обязанность, я ничем не вязал себя, с вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что же вы это делаете? — вскочил уж совсем Петр Степанович.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То есть как же это понять? Значит ли, что вы в прежних мыслях?

— Значит. Только уговору нет и не было, и я ничем не вязал. Была одна моя воля и теперь одна моя воля.

Кириллов объяснялся резко и брезгливо.

— Я согласен, согласен, пусть воля, лишь бы эта воля не изменилась, — уселся опять с удовлетворенным видом Петр Степанович. — Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали последнее время сердиты; я потому избегал посещать. Впрочем, был совершенно уверен, что не измените.

— Я вас очень не люблю; но совершенно уверены можете быть. Хоть и не признаю измены и неизмены.

— Однако знаете, — всполохнулся опять Петр Степанович, — надо бы опять поговорить толком, чтобы не сбиться. Дело требует точности, а вы меня ужасно как горошите. Позволяете поговорить?

— Говорите, — отрезал Кириллов, смотря в угол.

— Вы давно уже положили лишить себя жизни... то есть у вас такая была идея. Так, что ли, я выразился? Нет ли какой ошибки?

— У меня и теперь такая же идея.

— Прекрасно. Заметьте при этом, что вас никто не принуждал к тому.

— Еще бы; как вы говорите глупо.

— Пусть, пусть; я очень глупо выразился. Без сомнения, было бы очень глупо к тому принуждать; я продолжаю: вы были членом Общества еще при старой организации и открылись тогда же одному из членов Общества.

— Я не открывался, а просто сказал.

— Пусть. И смешно бы было в этом «открываться», что за исповедь? Вы просто сказали, и прекрасно.

— Нет, не прекрасно, потому что вы очень мямлите. Я вам не обязан никаким отчетом, и мыслей моих вы не можете понимать. Я хочу лишить себя жизни потому, что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому... потому что вам нечего тут знать... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте я вам другой стакан принесу.

Петр Степанович действительно схватился было за чайник и искал порожней посуды. Кириллов сходил в шкаф и принес чистый стакан.

— Я сейчас у Кармазинова завтракал, — заметил гость, — потом слушал, как он говорил, и вспотел, а сюда бежал — тоже вспотел, смерть хочется пить.

— Пейте. Чай холодный хорошо.

Кириллов опять уселся на стул и опять уперся глазами в угол.

— В Обществе произошла мысль, — продолжал он тем же голосом, — что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накутите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я всё сделал, так что вас целый год подозревать не могут.

— Хотя несколько дней; и день один дорог.

— Хорошо. В этом смысле мне сказали, чтоб я, если хочу, подождал. Я сказал, что подожду, пока скажут срок от Общества, потому что мне всё равно.

— Да, но вспомните, что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе как вместе со мной, и, прибыв в Россию, будете в моем... ну, одним словом, в моем распоряжении, то есть на один только этот случай, разумеется, а во всех других вы, конечно, свободны, — почти с любезностию прибавил Петр Степанович.

— Я не обязался, а согласился, потому что мне всё равно.

— И прекрасно, прекрасно, я нисколько не имею намерения стеснять ваше самолюбие, но...

— Тут не самолюбие.

— Но вспомните, что вам собрали сто двадцать талеров на дорогу, стало быть, вы брали деньги.

— Совсем нет, — вспыхнул Кириллов, — деньги не с тем. За это не берут.

— Берут иногда.

— Врете вы. Я заявил письмом из Петербурга, а в Петербурге заплатил вам сто двадцать талеров, вам в руки... и они туда отосланы, если только вы не задержали у себя.

— Хорошо, хорошо, я ни в чем не спорю, отосланы. Главное, что вы в тех же мыслях, как прежде.

— В тех самых. Когда вы придете и скажете «пора», я всё исполню. Что, очень скоро?

— Не так много дней... Но помните, записку мы сочиняем вместе, в ту же ночь.

— Хоть и днем. Вы сказали, надо взять на себя прокламации?

— И кое-что еще.

— Я не всё возьму на себя.

— Чего же не возьмете? — всполохнулся опять Петр Степанович.

— Чего не захочу; довольно. Я не хочу больше о том говорить.

Петр Степанович скрепился и переменил разговор.

— Я о другом, — предупредил он, — будете вы сегодня вечером у наших? Виргинский именинник, под тем предлогом и соберутся.

— Не хочу.

— Сделайте одолжение, будьте. Надо. Надо внушить и числом и лицом... У вас лицо... ну, одним словом, у вас лицо фатальное.

— Вы находите? — рассмеялся Кириллов. — Хорошо, приду; только не для лица. Когда?

— О, пораньше, в половине седьмого. И знаете, вы можете войти, сесть и ни с кем не говорить, сколько бы там их ни было. Только, знаете, не забудьте захватить с собою бумагу и карандаш.

— Это зачем?

— Ведь вам всё равно; а это моя особенная просьба. Вы только будете сидеть, ни с кем не говоря, слушать и изредка делать как бы отметки; ну хоть рисуйте что-нибудь.

— Какой вздор, зачем?

— Ну коли вам всё равно; ведь вы всё говорите, что вам всё равно.

— Нет, зачем?

— А вот затем, что тот член от Общества, ревизор, засел в Москве, а я там кой-кому объявил, что, может быть, посетит ревизор; и они будут думать, что вы-то и есть ревизор, а так как вы уже здесь три недели, то еще больше удивятся.

— Фокусы. Никакого ревизора у вас нет в Москве.

— Ну пусть нет, черт его и дери, вам-то какое дело и чем это вас затруднит? Сами же член Общества.

— Скажите им, что я ревизор; я буду сидеть и молчать, а бумагу и карандаш не хочу.

— Да почему?

— Не хочу.

Петр Степанович разозлился, даже позеленел, но опять скрепил себя, встал и взял шляпу.

— Этот у вас? — произнес он вдруг вполголоса.

— У меня.

— Это хорошо. Я скоро его выведу, не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь. Он только ночует. Старуха в больнице, сноха померла; я два дня один. Я ему показал место в заборе, где доска вынимается; он пролезет, никто не видит.

— Я его скоро возьму.

— Он говорит, что у него много мест ночевать.

— Он врёт, его ищут, а здесь пока незаметно. Разве вы с ним пускаетесь в разговоры?

— Да, всю ночь. Он вас очень ругает. Я ему ночью Апокалипсис читал, и чай. Очень слушал; даже очень, всю ночь.

— А, черт, да вы его в христианскую веру обратите!

— Он и то христианской веры. Не беспокойтесь, зарежет. Кого вы хотите зарезать?

— Нет, он не для того у меня; он для другого... А Шатов про Федьку знает?

— Я с Шатовым ничего не говорю и не вижу.

— Злится, что ли?

— Нет, не злимся, а только отворачиваемся. Слишком долго вместе в Америке пролежали.

— Я сейчас к нему зайду.

— Как хотите.

— Мы со Ставрогиным к вам тоже, может, зайдем оттуда, этак часов в десять.

— Приходите.

— Мне с ним надо поговорить о важном... Знаете, подарите-ка мне ваш мяч; к чему вам теперь? Я тоже для гимнастики. Я вам, пожалуй, заплачу деньги.

— Возьмите так.

Петр Степанович положил мяч в задний карман.

— А я вам не дам ничего против Ставрогина, — пробормотал вслед Кириллов, выпуская гостя. Тот с удивлением посмотрел на него, но не ответил.

Последние слова Кириллова смутили Петра Степановича чрезвычайно; он еще не успел их осмыслить, но еще на лестнице к Шатову постарался переделать свой недовольный вид в ласковую физиономию. Шатов был дома и немного болен. Он лежал на постели, впрочем одетый.

— Вот неудача! — вскричал Петр Степанович с порога. — Seriously больны?

Ласковое выражение его лица вдруг исчезло; что-то злобное засверкало в глазах.

— Нисколько, — нервно привскочил Шатов, — я вовсе не болен, немного голова...

Он даже потерялся; внезапное появление такого гостя решительно испугало его.

— Я именно по такому делу, что хворать не следует, — начал Петр Степанович быстро и как бы властно, — позвольте сесть (он сел), а вы садитесь опять на вашу койку, вот так. Сегодня под видом дня рождения Виргинского соберутся у него из наших; другого, впрочем, оттенка не будет вовсе, приняты меры. Я приду с Николаем Ставрогиным. Вас бы я, конечно, не потащил туда, зная ваш теперешний образ мыслей... то есть в том смысле, чтобы вас там не мучить, а не из того, что мы думаем, что вы донесете. Но вышло так, что вам придется идти. Вы там встретите тех самых, с которыми окончательно и порешим, каким образом вам оставить Общество и кому сдать, что у вас находится. Сделаем неприметно; я вас отведу куда-нибудь в угол; народу много, а всем незачем знать. Признаться, мне пришлось-таки из-за вас язык поточить; но теперь, кажется, и они согласны, с тем, разумеется, чтобы вы сдали типографию и все бумаги. Тогда ступайте себе на все четыре стороны.

Шатов выслушал нахмуренно и злобно. Нервный недавний испуг оставил его совсем.

— Я не признаю никакой обязанности давать черт знает кому отчет, — проговорил он наотрез, — никто меня не может отпускать на волю.

— Не совсем. Вам многое было доверено. Вы не имели права прямо разрывать. И, наконец, вы никогда не заявляли о том ясно, так что вводили их в двусмысленное положение.

— Я, как приехал сюда, заявил ясно письмом.

— Нет, не ясно, — спокойно оспаривал Петр Степанович, — я вам прислал, например, «Светлую личность», чтобы здесь напечатать и экземпляры сложить до востребования где-нибудь тут у вас; тоже две прокламации. Вы воротили с письмом двусмысленным, ничего не обозначающим.

— Я прямо отказался печатать.

— Да, но не прямо. Вы написали: «Не могу», но не объяснили, по какой причине. «Не могу» не значит «не хочу». Можно было подумать, что вы просто от материальных причин не можете. Так это и поняли и сочли, что вы все-таки согласны продолжать связь с Обществом, а стало быть, могли опять вам что-нибудь доверить, следовательно, себя компрометировать. Здесь они говорят, что вы просто хотели обмануть, с тем чтобы, получив какое-нибудь важное сообщение, донести. Я вас защищал изо всех сил и показал ваш письменный ответ в две строки, как документ в вашу пользу. Но и сам должен был сознаться, перечитав теперь, что эти две строчки неясны и вводят в обман.

— А у вас так тщательно сохранилось это письмо?

— Это ничего, что оно у меня сохранилось; оно и теперь у меня.

— Ну и пускай, черт!.. — яростно вскричал Шатов. — Пускай ваши дураки считают, что я донес, какое мне дело! Я бы желал посмотреть, что вы мне можете сделать?

— Вас бы отметили и при первом успехе революции повесили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россию?

— Вы не смейтесь. Повторяю, я вас отстаивал. Так ли, этак, а все-таки я вам явиться сегодня советую. К чему напрасные слова из-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше ли расстаться дружелюбно? Ведь уж во всяком случае вам придется сдавать станок и буквы и старые бумажки, вот о том и поговорим.

— Приду, — проворчал Шатов, в раздумье понутив голову. Петр Степанович искоса рассматривал его с своего места.

— Ставрогин будет? — спросил вдруг Шатов, подымая голову.

— Будет непременно.

— Хе-хе!

Опять с минуту помолчали. Шатов брезгливо и раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая «Светлая личность», которую я не хотел здесь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистов уверять, что вам сам Герцен в альбом написал?

— Сам Герцен.

Опять помолчали минуты с три. Шатов встал наконец с постели.

— Ступайте вон от меня, я не хочу сидеть вместе с вами.

— Иду, — даже как-то весело проговорил Петр Степанович, немедленно подымаясь, — одно только слово: Кириллов, кажется, один-единешенек теперь во флигеле, без служанки?

— Один-единешенек. Ступайте, я не могу оставаться в одной с вами комнате.

«Ну, хорош же ты теперь! — весело обдумывал Петр Степанович, выходя на улицу, — хорош будешь и вечером, а мне именно такого тебя теперь надо, и лучше желать нельзя, лучше желать нельзя! Сам русский бог помогает!».